
Дмитрий ТАРАСОВ

РАССКАЗЫ

ГОСПОДИН ЯНОВСКИЙ

Право, как не хочется тащиться в Патриотический институт! На другой берег Невы, в это скучное здание канареечного цвета, как, впрочем, и все здесь. Сидят за партами благородные девицы, офицерские дочери, для которых элементарные начала истории и то есть высшая математика. В глазах рябит от их формы — светлое, коричневое, светлое, коричневое... А в мозгах у них, напротив, все одним цветом — серым. Знай себе щебечут да хихикают. Если б у нас патриотки определялись только по этому, то лучших было бы не сыскать. Какая насмешка все-таки читать им лекции, тогда как мечты да и способности позволяют иметь аудиторию из умов знающих и душ возвышенных.

Он шел вдоль Екатерининского канала без всякой цели и уже одолел несколько городских частей, отсчитывая их по числу мостов: Каменный, Банковский, Кокушкин... Нарочно избегал больших улиц, где стук, гром и блеск, и думал, что сколько ни привыкай к этому городу, хоть заставляй себя его любить, а все никак не привыкнешь.

Вот впереди еще один мост — Вознесенский, слегка горбится над мутной водой. На угловом доме вывеска, где господин с намышленной щекой, а понизу надпись: «И кровь отворяют».

Он постоял напротив и зашел туда с мыслью: коли нет никого, так и побреюсь, а коли ждать, тогда уж в другой раз. К счастью, маленькая зала была пуста, и все говорило в пользу того, что он не ошибся дверью: широкое кресло, пред которым зеркало, полочка с полным набором инструментов цирюльника; здесь и одеколony, и ножницы, и кисточки, и пинцеты, чтоб волосы из носу дергать... Однако ж где цирюльник? Хоть садись да и брей себя сам. Пусть кое-как, зато жаловаться не на кого и без всякой платы...

Тут отворилась внутренняя дверь, спрятанная от взгляда занавесью, и оттуда поспешно вышел хозяин. Как полагается, был он в белом переднике и на ходу, видно, затем, чтобы отпали уж всякие сомнения в его профессии, мелко стрекотал ножницами.

Что за манера стала у наших цирюльников? Вроде как воздух стригут, и кто в этом бойчее, тот, наверное, и мастер лучший. Надо бы предупредить, что мне не прическа, а бритье нужно. Иначе он, того и гляди, от воздуха сразу к волосам и перейдет.

— Желая побриться.

— Иван Яковлевич, — вместо ответа представился брадобрей, а остальное представил рукою, обведя свое рабочее место и закончив на кресле, которое пододвинул с любезностью и улыбкой.

Дмитрий Михайлович Тарасов родился в 1965 году в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. В 2015 году в издательстве «Лики России» вышел в свет роман «Пятый Собор», в 2018 году — сборник рассказов «Считая до ста». Член Союза писателей России с 2011 года.

— А вас, барин, как величают? — спросил он, закутав гостя салфеткой и быстро-быстро покрывая его щеки кремом.

И хоть не принято было при таких обстоятельствах называть себя и другой счел бы это странным и даже мог оскорбиться, Николай Васильевич отрекомендовался, не забыв присовокупить звание — титулярный советник. И с удовольствием наблюдал, как его недавнее приобретение в чине отразилось на лице цирюльника выражением самым угодливым.

— А где, извините, проживать изволите? Не в нашей ли части? — видя благосклонность собеседника, Иван Яковлевич пустился в расспросы, впрочем, с большим почтением и не отвлекаясь от дела.

— В Морской слободе, на Малой улице. То есть на Новоисаакиевской, — поправился Николай Васильевич.

— То так назовут, то этак. Только привыкнешь, как уже переучиваться надо... А вы не знаете, скоро ли Исаакиевский собор возведут?

На это Николай Васильевич счел правильным промолчать, поскольку кто ж его известит, когда и самому архитектору вряд ли сроки известны. Между тем цирюльник двумя пальцами ухватил его за нос и слегка приподнял, с тем чтобы сподручнее брить подборок, и Николай Васильевич тут же услышал, как пахнут его пальцы — то ли хлебом, то ли рыбой, то ли табаком, а скорее, всем вместе. Но сказать об этом в таком положении, с задранной вверх головой, он не мог, в то время как у Ивана Яковлевича не было ни малейших затруднений в речи.

— У нас сейчас штука престранная происходит: квартиры сдают почти что в каждом доме. Отчего бы это? Да только уж так. Есть и такие, что по вашему чину как раз подходят. Можно с отдельным входом, можно сразу с прислугой. Если только интерес имеется...

— Имеется, — выдохнул Николай Васильевич, едва высвободив свой нос, хотя никакого интереса не было, а был лишь недостаток воздуха и оттого легкое головокружение. Ляпнул, словом. А Иван Яковлевич только того и ждал:

— Тогда вы точно по адресу. Ходит ко мне один коллежский асессор, но всегда представляется майором. По середам и воскресным дням бреется. А сегодня что у нас?.. Середя. Стало быть, вот скоро и должен быть.

— Да мне-то, любезный, что с того? — наконец пришел в себя Николай Васильевич.

— Как же? Вы только что сообщили, что жильё ищите. А в доме, где тот самый майор живет, сдается преотличнейшая квартира. Да он сам вам и расскажет.

Сказав это, он прищурился и посмотрел на Николая Васильевича сначала с одного боку, затем с другого, а после, нагнувшись, еще и снизу. Из всего этого мастер бритвенных дел заключил, что работа не кончена, и снова ухватил Николая Васильевича за нос. Принудив таким образом собеседника к молчанию, он продолжил разговор, только теперь не о квартирах, а о предмете более близком:

— Экий нос у вас редкий, прямо выдающийся. У иного, бывает, не возьмешься, потому что братья не за что, а у вас, господин титулярный советник, совсем наоборот.

С этими словами он так нажал на нос, что тот, хрустнув, едва удержался. Как только равновесие в мыслях и чувствах восстановилось, Николая Васильевича охватила обида. Из-за чего он вынужден всю жизнь страдать? Вспомнились ему все злоключения собственного носа, как был он и длиннющим, и птичьим, и безобразным, и даже провокационным. В Васильевке Сашко высмеивал, в гимназии Зайончковский, в Департаменте уделов сразу двое, оба писцы, Аполлонов и Червоточин, который сам, по правде сказать, с немалым носом...

— Вот что, братец, — сказал Николай Васильевич сердито. — И нос мой, и волосы, и плата тоже моя. А раз так, то и хватит. Сколько с меня?

Тотчас Иван Яковлевич сделался услужлив и захлопотал вокруг кресла: то одеколончиком спрыснет, то салфеткой обмахнет, то воззрится с умилением на дело рук своих.

Вот так-то с ними нужно, едва успел подумать Николай Васильевич, как сзади раздался грубый голос:

— А, ты работаешь!

— Мы уж и заканчиваем, — цирюльник с утроенной силой стал махать салфеткой.

— Ничего, подожду, — вошедший уселся на стул подле окна, положив ногу на ногу.

Как виделось Николаю Васильевичу в зеркале, был он прост лицом, однако не без приятности и сидел, как сидит человек с доходом никак не меньше десяти тысяч в месяц.

Оставшись вполне доволен своим искусством, Иван Яковлевич решил показать и свои отменные манеры:

— Разрешите, господа, я вас представляю друг другу.

— Без тебя обойдемся, — незнакомец встал и по-военному четко произнес: — Майор Платон Платонович Полукирпичников.

Николай Васильевич тоже назвался и уже хотел было откланяться, сняв свой цилиндр с крючка возле зеркала, как вдруг цирюльник заявил:

— Николай Васильевич желает снять квартиру где-нибудь здесь поблизости. И я рекомендовал вас как человека...

— Квартиру? — решительно вмешался майор Полукирпичников и уставился на Николая Васильевича, будто такое испытание могло определить, правда ли сказанное брадобреем.

— Не то чтобы совершенно, но в известном смысле... Впрочем, я сам наверное не определил... Тут вопрос деликатный, — Николай Васильевич мялся, не желая давать точного ответа и в то же время обижать собеседника, и мял в руках цилиндр, то запуская пальцы в тулью, то с поспешностью их вытаскивая.

— Согласен, деликатный, — майор даже дернул головой, настолько был согласен. — Мы можем обсудить это сразу, как я побреюсь. Или вот!.. Оставайтесь здесь, а я все и расскажу.

— Мне, знаете ли, удобнее ждать на выходе. Тут очень душно и запахи.

— Как вам будет угодно, — ответил майор и сразу накинулся на цирюльника: — Говори вперед, чисты руки?

— Отчего ж бы им вонять?

— Врешь!

— Ей-богу, сударь, чисты.

Выбравшись на улицу, Николай Васильевич тотчас удалился от дома у Вознесенского моста в сторону Сенного рынка. Он собирался идти к себе на Морскую, прежде купив что-нибудь в овощных рядах. А разговор в цирюльне был так, глупым случаем, и теперешнее жилье его вполне устраивало.

Ему так не хотелось читать лекцию в институте, что прежде чем туда отправиться, он подвязал голову белым платком и в таком виде предстал перед директрисой Луизой фон Вистенгаузен. Маленькая старая горбунья выслушала его жалобы на здоровье с недовольным видом, но разрешила-таки не ходить на занятие. При этом не забыла упрекнуть, что он манкирует службой, и всегда по случаю зубной боли. Пришлось сочинить историю, будто у него это по наследству, от батюшки с матушкой, мол, они тоже зубами мучились. Словом, семейная болезнь, и доктора ничего поделать не могут.

Едва выйдя из института, он размотал платок и с опаской оглянулся на мрачное четырехэтажное здание, мало ли горбунья Луиза смотрит из своего кабинета. Свет там мерцал, но главной «патриотки» в окне не было. Он вдруг вспомнил, что она вдова майора, и, присовокупив к этому встречу с Платоном Платоновичем Полукирпичнико-

вым, с иронией заключил, что где ни окажись в Петербурге, а непременно какой-нибудь майор да и вылезет.

Был Николай Васильевич на Васильевском острове, на линиях. Нет ничего сумрачнее этих линий, однообразно прочерченных с педантичностью скучного немца. Как только люди здесь живут? Чем дышат? Прочь отсюда! Иначе задохнешься, сгинешь!

Он вышел на невскую набережную и при ясной погоде, какая в этом туманном городе редкость, увидел весь строй вельможных особняков и дворцов на том берегу. И как бы в противовес их нарядности чернел вдали столь знакомый ему казенный дом, куда прежде каждый день ходил на службу в Департамент уделов. С девяти утра был уже на месте, зарываясь в ворохи бумаг, с трудом выглядывая из-за частокола чернильных приборов. Сшивал листы, копировал ведомости, переписывал доклады, подчеркивал заголовки... Что еще?.. Пожалуй, лишь одно вспоминается: три часа пополудни, и этот долгожданный часовой бой — тяжелый, гудящий, кажется, во всех уголках огромной залы. И в тот же миг все преобразается! Папки ставятся на полки, дела закрываются в шкафы, хлопают дверцы, летят голоса. Общее движение несет к выходу чиновников всех рангов без разбору. В вестибюле висит большое овальное зеркало в раме с вычурными розами и двумя купидончиками наверху. Здесь останавливаются, чтобы одернуть фалды сюртучных мундиров, поправить прически, смахнуть щеточкой въедливую канцелярскую пыль. Стоит и он, а мимо язвительный Аполлонов: «Эй, Яновский, сейчас зеркало носом проткнешь!», а следом мерзейший Червоточин: «Макни нос в чернильницу, напиши кириллицу!» И хоть обидно, но более радостно: скорее на воздух, от рутины, от тупых и кислых, интриганов и подлецов!.. Наскоро пообедав, он спешит на Васильевский остров. Там, в здании под высоким куполом с восседающей на самом вершине Минервой, красота и гармония, мудрость и искусство, против которых весь чиновничий люд не то чтобы плох, а попросту ничто.

Приближаясь теперь по набережной к Академии художеств, Николай Васильевич вспомнил разом и преподавателей, Егорова с Шебуевым, и свои ученические работы карандашом и углем, и то, что портреты давались ему лучше, нежели натюрморты и пейзажи. По правде сказать, он давно уже там не был и стал забывать атмосферу рисовального класса, его особый запах, смешанный из красок, гипса и бумаги.

Массивная дверь отворилась, выпуская дюжего художника с перекинутым через плечо мольбертом, академического вида старичка в пенсне, стайку студенток, болтающих о каком-то Борисе Львовиче. Пропустив их, Николай Васильевич, точно последний ученик в гимназии, бочком протиснулся внутрь.

Он пересек парадный вестибюль, поднялся на второй этаж и, постучавшись, вошел в знакомый класс рисования.

— А, господин Яновский, — донесся из глубины помещения знакомый голос Шебуева.

Николай Васильевич терпеть не мог, когда к нему так обращались. Будто начало фамилии неизвестно куда делось, а остался лишь ее облезлый хвостик. Однако поправлять учителей было не в его правилах.

Между тем преподаватель продолжал:

— Вы как раз по случаю. Не пришел натурщик, этот... — Шебуев сдержался. — Словом, хотел бы вас попросить сделать ему замену.

Рассудив, что отказывать негоже, тем более когда пропускаешь занятия, Николай Васильевич все-таки поинтересовался:

— Чему же я обязан такой чести? Почему другие студенты не годятся для этой роли?

— Видите ли... У нас сегодня голова в три четверти. Тут требуется особая внешность, — он посмотрел на Николая Васильевича оценивающе, даже слегка прищурился. — Про вас всякий рисовальщик скажет, что лучшего и не надо. А по какой причине — как вы думаете?

Поскольку вопрос был обращен ко всем, то в классе прозвучало вразноголосицу:

— Нос-нос-нос...

Усаженный таким образом на табурет, вдобавок стоявший на пьедестале, он оказался в положении человека, на которого слетаются все взгляды и который в течение двух часов должен сидеть не шелохнувшись. Тут любому, будь у него хоть одна извилина, полезут в голову разные мысли, тем более они полезли Николаю Васильевичу.

К люстре или к окну летит муха, спросил он неизвестно кого, и сей же час, точно вопрос был куда важнее ответа, снова начал допытываться у этого неизвестного: кто, мужчина или женщина, изображен на картине, что приставлена к шкафу с бумагами? какой вопль издаст та молоденькая девушка, ежели ее рисовальный станок возьмет да и завалится набок...

От мыслей простых он направился к сложным, вернее, даже не к мыслям, а к образам, которые возникали как-то сами собою. Примеривался один образ к другому, и ненужный исчезал, а взамен него появлялся следующий, что, впрочем, отнюдь не избавляло его от участи предыдущего, как не избавляло и первый, коли он такой капризный, что не выносит никакого соседства. И ладно бы складывались они с какой-либо целью, так нет: маячит что-то впереди непознаваемое, то чуть ближе, то в тень уходит, а то и вовсе не понятно, было или померещилось.

Если б бумагу и перо теперь, подумалось Николаю Васильевичу, тогда образы, сделавшись словами, быть может, и проявили бы перспективу... И тут же в его воображении возникла новая картинка: натурщик на том же табурете и том же пьедестале пишет сочинение и ведет себя как всякий сочинитель: откидывает голову назад, тербит подбородок, запускает пальцы в волосы, ногти грызет или, того хуже, в носу ковыряется.

От игры своего воображения он хихикнул и еще оттого, что опять не обошлось без носа. Этим он вызвал смешки в классе, и Шебуев строго посмотрел на студентов, после чего поднял глаза на натурщика. Николаю Васильевичу ничего не оставалось, как вновь принять застывшую позу.

Изредка слышались скрипучие звуки ластика, кто-то сдувал катыши с листа, кто-то чинил карандаш. И прохаживался между рисовальщиками учитель, поправляя их эскизы. Вдруг он громко произнес:

— А где же лицо?

Все посмотрели в ту сторону. Леша Воротников, выглядевший лет на восемнадцать против своих двадцати пяти, очень худой, с длинными, зачесанными назад волосами, краснел и не знал, что сказать.

— Я, собственно... Хотел ухватить за хвост некую субстанцию...

— А ухватили за нос, — закончил Шебуев, чем вызвал общий взрыв смеха.

Занятие кончилось, и студенты потянулись к столу преподавателя. Одного похвалив, другому указав на ошибку, он принял все работы, за исключением одной.

— Что же мне теперь с этим делать? — Леша Воротников держал свой рисунок вверх тормашками и снова краснел.

— Как вам будет угодно. Я принять не могу.

Уже в коридоре Николай Васильевич догнал Воротникова и по-приятельски обнял.

— Что-то наш старик сегодня не в духе. Покажи, Алексей, чем ты его разгневал?

От увиденного он чуть отпрянул, потому что посредине листа располагался его собственный нос. Тут сомнений не было, настолько искусно были изображены все впадины и возвышенности, вплоть до мелкого прыщика повыше обращенной к зрителю ноздри.

— Этакое сходство!.. Однако же почему...

— Не взъищи, Николай, без моего участия вышло... Лишь после я понял, что так оно и вернее, — когда он волновался, то говорил тихо, округляя глаза и торопясь. — Я буд-

то видел, что, с одной стороны, вы вместе, а с другой — по отдельности. Ты сам по себе, и нос сам по себе. Тут либо первое берешь, либо второе.

— И ты выбрал...

— Пойми, выбирал не я, а сам не знаю кто. Моей рукой водили, тогда как мне оставалось только держать карандаш. Ни одной пометки, ни одного исправления. Я так не умею!

Внутри Николая Васильевича что-то зашевелилось, вместе лукавое и значительное, и он вдруг с чувством произнес:

— Моя просьба может показаться блажью, но не мог бы ты дать рисунок мне?

— Охотно дам. Веришь ли, сам не знаю, как с ним быть.

— Вот только папки у меня нет.

— Бери вместе с папкой. После как-нибудь вернешь.

Они вышли из академии, продолжая обсуждать ту странность, которая случилась с Воротниковым. Почему не глаз, ухо или рот? Нет, именно нос, притом самым необъяснимым образом.

— Скажи, Николай, кто способен водить чужой рукою, кто автор?

Он заглянул в лицо Николаю Васильевичу как-то снизу и сбоку, отчего сделалось не по себе и припомнились былые случаи, когда прямо на занятиях Алексей начинал шептать что-то бессвязное, а в его глазах, вот как сейчас, появлялся этот безумный блеск.

— Ты не здоров? — спросил Николай Васильевич.

— Нет, мне хорошо, решительно хорошо, — заверил Воротников.

Они простились на набережной: Воротников жил неподалеку от академии, а Николаю Васильевичу нужно было идти на другой берег.

Подгоняя себя мыслями о содержимом папки, он дошагал до дома на Морской, где взобрался к себе по крутой и темной лестнице, бросил одежду прямо на лавку и, положив рисунок на высокий пюпитр в гостиной, крикнул в переднюю:

— Яким, свечу!

Слуга появился в ту же минуту, и на потолке комнаты заплескали яркие пятна света. Николай Васильевич принял свечу и установил ее рядом с пюпитром. Склонившись над ним, он всматривался в рисунок и одновременно нащупывал на соседнем столе карандаш. Когда тот оказался в руке, то, совершенно не задумываясь, он начал рисовать линию за линией, изгиб за изгибом.

Спустя некоторое время он вернул карандаш на место и с удивлением воззрился на то, каким сделался рисунок. Нос оставался, где должно, только теперь его нельзя было назвать таковым, ибо он был в мундире, шитом золотом с большим стоячим воротником, на нем были замшевые панталоны, а при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника.

Словно боясь, что рисунок исчезнет, Николай Васильевич бросился к столу и начал точь-в-точь записывать изображенное. Закончив, он почувствовал, как то, что маячило вдали, когда он сидел натурщиком, стало гораздо лучше различимо, и если еще не далось в руки, так лишь потому, что с его стороны было недостаточно усилий.

Чем дальше он смотрел на дом возле Вознесенского моста, где внизу помещалась цирюльня, тем яснее становилось, что тот никуда не годится. Да и нужен ли дом?.. В журнале, дай Бог памяти каком, был недавно рассказ с такой же вот цирюльней, вывеской, с тем же нехитрым инструментарием из бритв и гребешков. Зачем тогда утомлять публику повторами? Пускай брадобрей сам ходит по квартирам и мылит на щеках да под носами.

Рассудив так, Николай Васильевич решительно повернул на Вознесенскую улицу, однако не прошел и двух домов, как стал свидетелем картины крестьянской телеги

и господского экипажа, которые никак не могли разъехаться. Спрыгнувший с передка кучер в ливрее кричал на мужика, пытавшегося, да все без толку, развернуть свою гнедую кобылу.

— Не туда, раззява, в другую сторону! — подал голос кто-то, наблюдавший за уличной сценкой неподалеку от Николая Васильевича. Он посмотрел на кричавшего и вздрогнул: майор Полукирпичников махал руками и, казалось, готов был сам броситься, чтобы направить лошадь куда следует. Их взгляды неожиданно встретились, и майор, тут же позабыв о дорожном происшествии, изобразил на своем лице чрезвычайную радость, будто судьба свела его, по меньшей мере, с другом детства.

— Ба, Николай Васильевич! Весьма обязан случаю вас видеть. Да, но куда же вы тогда подевались?

Едва Николай Васильевич открыл рот, чтобы объяснить, как майор продолжил с воодушевлением:

— Представьте, этот разбойник и пьяница — вы, кстати, не от него идете? — так орудовал бритвой, что пустил мне кровь из носу. Посмотрите, вот здесь.

При этом, задрвав голову, он указал пальцем на правое крыло носа, где точно был мелкий порез.

— А если б ему вздумалось какой-нибудь другой орган задеть, допустим, глаз? Тот наверное весь и вытек. А я, между прочим, в видные департаменты хожу, в лучших домах принят, среди дам общение имею. Как же мне без глазу, сами посудите?

— Вы начали о носе, — вернул его к предмету беседы Николай Васильевич, поскольку в нем снова зашевелилось то пугливое предчувствие замысла, что и давеча на квартире.

— Только вы удалились, как цирюльник намылил и на щеке, и за ухом, и под бородою. У него всегдашняя привычка: где хочет, там и мылит. А потом, скажите, как в этом пенном месиве разобраться и не спутать одно с другим?.. Вдобавок он пьян был изрядно. От него если черт знает чем воняет, значит, пил и закусывал всем подряд. Такая уж скотина, ничего не поделаешь.

Продолжил Платон Платонович тем, как служил на Кавказе, получил коллежского ассессора и теперь ищет приличного своему званию места в Петербурге. Вдруг он сказал, показывая на ту сторону улицы:

— Вот здесь я и живу. Как вам видится, хорош ли дом?

— Как здесь? — Николай Васильевич в задумчивости смотрел на безликое пятиэтажное строение с двумя симметричными проездами и гладким, за исключением скромного эркера, фасадом. — Этот дом совсем не то. Я приглядел вам другой, в Садовой, рядом с Сенным рынком.

— Прошу меня простить, но моя квартира во всех отношениях мне подходит. По какой причине я должен куда-то переезжать?.. Хозяин немец, из обрусевших, очень приличный человек и плату требует умеренную, всегда деликатно и, что важно, с почтением к моему званию. Я вас с ним в один момент познакомлю.

— Зачем же мне с ним знакомиться, когда это не тот дом?

— Позвольте, вы сами заявили, что квартиру подыскиваете.

— Да, пожалуй... Что ж, можно взглянуть...

Пропустив две кареты в одну сторону и извозчика в другую, они перешли Вознесенскую и остановились у парадного входа.

— Зовут его Александр Карлович, — говорил майор, — а вот фамилию запомнил, уж больно сложная. Хотя, при нашем доверительном разговоре, она и не понадобится. Занимает он весь второй этаж, живет с женой и семьей детьми. Без уговоров, под небольшой процент, ссужает деньги.

Появившийся на звонок лакей сказал, что Александр Карлович убыл по делу и вернется только ввечеру. Из этого майор вывел два важных заключения: во-первых, они

придут к домовладельцу в другой день, а во-вторых, немедленно поднимутся в майорскую квартиру, где припасена для таких случаев бутылка шампанского.

— Иван, — крикнул Полукирпичников, как только переступил порог квартиры, — тащи сюда «Моэта».

Они уже разделись, были в гостиной, когда в дверях возник слуга и хрипловатым голосом спросил:

— Какого поэта?

Вид у него был заспанный, к тому же одежда мятая и несвежая. Судя по оговорке, мимоходом подумал Николай Васильевич, он более расположен к стихам, чем к хорошим винам.

— Глупое ты существо! Это название шампанского — «Моэт». Ступай и без него не возвращайся.

Вскоре, однако, дверь снова отворилась.

— Нет-с нигде.

— Дурак! — майор встал и обернулся к гостю: — Извините, я сейчас.

Его не было долго, и Николай Васильевич принялся изучать комнату. Просторная и слегка вытянутая от окна к двери, по форме она его устраивала, а вот ее обстановку нужно было менять. Хотелось бы попроще, примерно так: шкаф со створкой, которая не до конца закрывается; продавленный полосатый диван; стол в винных пятнах и с царапинами; стулья разных мастей вдоль стен... Словом, выдавшая виды мебель, при том, что замыслы у хозяина самые грандиозные. И вот при таких-то обстоятельствах налицо пропажа, то есть на лице пропажа... А где же зеркало, куда он будет смотреться?.. На стенах не видно... А, вот, экое маленькое, на подставке, сразу и не углядишь...

В этот момент вернулся майор Полукирпичников и, хоть старался выглядеть так, будто только что получил Святого Георгия, был явно смущен.

— Тут история вышла. Третьего дня мы с приятелем, вместе с которым едва спаслись от пленения горцами, приговорили «Моэта» за беседой. Только нынче вспомнил...

Не любивший вина Николай Васильевич с облегчением подумал, что Бог оберегает его от чрезмерных испытаний, а вслух произнес:

— В следующий раз, когда приеду к вашему немцу, мы с вами и посидим, и поговорим, и на стол что-нибудь поставим.

После сказанного он рассчитывал, что визит окончен. Но не таков был майор, чтобы сразу отпустить гостя, и если уж шампанского не оказалось, то запас историй на все случаи жизни всегда был при нем.

Узнал Николай Васильевич о кавказских рекогносцировках, об аудиенциях у вице-губернатора и о том, чем дамское общество Татьяны Прокофьевны приятнее дамского общества Людмилы Харитоновны. Майор на этом не остановился и заявил, что готов жениться на первой, но только тогда, когда за невестою будет известный капитал.

Пока он рассказывал, Николай Васильевич обстоятельно изучил его манеры, лицо, особенно нос, и даже представил, как вместо него будет ровное и гладкое место.

Осмотром он был доволен, как и тем, что поддался на уговоры хозяина остаться. Когда б еще представился такой редкий случай? Теперь, хоть ночью разбуди, в точности опишет и еще рисунок представит. Вот только фамилия у майора уж больно длинна и тем заметна. Надобно ее укоротить и сделать самую расхожей, а то, пожалуй, жалобу настроит или, чего доброго, в суд подаст... И хотя, кроме распоряжений по своему ведомству, вряд ли он что-либо читает, однако же всегда найдутся такие, кто принесет и покажет, да еще совет даст, как дело повернуть, чтобы раскошелился дрянной писака на кругленькую сумму...

Откланяться Николаю Васильевичу удалось неожиданным способом. Он уже и на часы поглядывал с явным нетерпением, и про зубную боль говорил, и про деловую

встречу, и намекал на свидание с дамой, на что хозяин всегда возражал одинаково: «Такая забота — сущий пустяк, о котором между друзьями и упоминать не следует. Что ваши заботы, дорогой мой, в сравнении с моими?» Тогда Николай Васильевич пошел на иную хитрость, дескать, пора ему на занятия, читать лекцию благородным девицам. И пусть с тех самых пор, как пришел с перевязанной головой, он в институте не показывался, подумывая и вовсе его оставить, не подозревавший о том майор Полукирпичников был сражен весомостью причины. Еще бы, там дочери офицеров, возможно, и майорские имеются и даже наверное имеются. Как же можно тогда задерживать?

Он встал, прищелкнув каблуками:

— Прошу меня извинить, не знал о ваших благородных занятиях.

Прощаясь в дверях, церемонно произнес:

— Жду вас, Николай Васильевич, в ближайшие дни.

— Непременно буду.

На самом деле он не собирался приходить. Да и зачем, собственно? Сидеть с майором, который будет блистать в своем бесконечном хвастовстве... К слову сказать, навещать цирюльника тоже без надобности. Разве что фамилию узнать... Нет, хватит с него и Ивана Яковлевича, пьянства, немых рук...

То добавляя к образу брандобрее хлеб и кофий, то отнимая кашель и пощелкивание ножницами, то снова добавляя табак и сварливую жену, Николай Васильевич не заметил, как добрался до конца Вознесенской. И вот уже был перед огромной стройкой, обнесенной забором. Тяжело стояли облицованные мрамором стены, колоннами финского гранита высились портики, и на фоне зеленоватого заката висел, пока еще в лесах, вознесенный императорской волею под самые небеса купол Исаакиевского собора. Эту картину он видел много лет, когда только появился в Петербурге, но лишь теперь в его хохлацкой душе возникла теплота к нелюбимой, сырой и набитой чиновниками столице. И ему стало ясно, что нигде, кроме как здесь, не будет у него таких цирюльников и майоров, лакеев и живописцев. А что он без них?.. Тут он впервые воспользовался платком не как промокашкой для вечно текущего носа, а чтобы вытереть навернувшиеся на глаза слезы.

Отсюда до дома было рукой подать. Но Николай Васильевич, обогнув стройку, двинулся к Исаакиевскому мосту, что был напротив собора. Дойдя до середины, он поднял валявшийся под ногами камень и отпустил его в реку. Тот булькнул, да и только. Ежели так бросишь, подумалось ему, то лишь черт и найдет. Тогда, может, просто выронить или подсунуть куда-нибудь под ворота... Но кругом прохожие, полиция, а человек он пьющий, нервный, везде ему что-то мерещится...

Когда сходил с моста, так ничего и не решив, увидел квартального надзирателя. Крупный, с широкими бакенбардами и важным лицом, он прогуливался у спуска к Неве. И возникла дерзкая мысль — подойти да и спросить: «Разве вы не заметили, как я что-то швырнул в воду?» А квартальный удивленно: «Нет, не заметил. И что же вы бросили?» — «Уж и не помню, а только бросил». — «А в своем ли вы уме, коли так рассуждать изволите?» — «Сам не знаю... Вот встану дома за пюпитр, тогда и пойму, здоров ли или же одно беспокойство ума испытываю».

Взлетев одним духом на третий этаж, так, что даже запыхался, он едва не сбил с ног слугу, который вздумал в передней чинить обувь, и крикнул запальчиво:

— О, черт!.. Свечу! Сейчас же!

Пока ждал Якима, в голове без перерыва стучало: смогу ли? смогу ли? А если нет, то, выходит, и вправду лишь от болезни образы являются. И лучше бы не приезжал сюда вовсе и надежды себе не давал, и маменьке тоже, и друзьям, но прежде все-таки себе... Чем плоха жизнь в Васильевке? Гнутся в саду деревья под весом плодов, во дворе куры и гуси прохаживаются, а в доме запах сушеных яблок из шкафов, и полки с соленьями да вареньями, и стол, где оладьи со сметаной или грибы белые...

Успокоился Николай Васильевич лишь тогда, когда исписал своим мелким почерком несколько листов подряд. Отложил перо, чтоб дать роздых руке и порядок мыслям. И было уже без разницы, в Васильевке он или в Петербурге, гремят ли по бульжнику колеса, или скрипит яблоня за окном, доносится ли украинский певучий мотив, или горланит мужик возле дверей кабака сам не разберет что...

Теперь решилось окончательно: нос не только может покинуть своего хозяина, а после вернуться на место, но и должен именно так поступить. В противном случае зачем все это: ночь, Петербург, храп Якима за стенкой, купол под небесами...

* * *

Прошло изрядно времени, как книга была издана, и Николай Васильевич вновь оказался в той части города. Только сегодня ему сказали (не обошлось без общих знакомых), что майор Полукирпичников женился и живет теперь на Таврической улице в собственном доме, а вернее, в доме жены. Вот уж неожиданность так неожиданность! Хотя известно же, кому везет... А художник Леша Воротников попал в больницу с душевным расстройством и спустя месяц там скончался. Похоронен на Смоленском кладбище возле церкви. Николай Васильевич был там, положил на могилу цветы и долго стоял в раздумье, можно ли принести сюда лист, где нос и прочее, им добавленное, не против ли это правил и петербургской погоды. В конце концов решил, пусть рисунок останется у него как память.

Еще он заходил в цирюльню. Хозяин его не узнал. Похоже, он различает людей не по лицам, а по подбородкам. Но поди разбери, чей брил сегодня, чей вчера, чей год назад. Тут нужен навык скульптора, чтобы пальцами вспомнить, какой бугорок или ямочка кому принадлежит. Между прочим цирюльник рассказал, что русской печи в его квартире отродясь не было, а хлеб он покупает за углом, где всегда большой выбор и недорого. Выяснилась и еще одна несообразность: оказывается, жены у него нет — ни сварливой, ни покладистой, никакой, — точнее, была жена, да померла, как он сказал, из-за его черного пьянства.

Однако уже никак и ничего не поменяешь. Книга в продаже, и хоть книготорговцы, по своему обыкновению, нерасторопны и лживы, тем не менее уверяют, будто через месяц-другой весь тираж разоидется. Ну, пускай так и будет...

На прощание он хотел дать Ивану Яковлевичу один экземпляр и тут же передумал. По глазам было видно, что грамоту цирюльник не знает. А если кто и прочитает ему, то он либо не поймет, что лучше, либо обидится и пошлет автора к черту. Ему же туда пока рано, да и боится он его, рогатого.

А все же было бы хорошо, чтоб и печь имелась, и жена, и хлеб свежий!

РЯЖЕННЫЕ, ИЛИ ПАРОВАЯ МАШИНА ДЖЕЙМСА УАТТА

Глава I. КОТ

В центре города, как обычно, не протолкнуться. Теснота разгоряченных от жары человеческих тел и полное равнодушие к себе подобным. Друг на друга даже не смотрят, уперлись в гаджеты, разговаривают по мобильникам. Без извинений сталкиваются, с бранью разлетаются, наступают на ноги, стоят посреди тротуара, идут на красный свет — гаджеты, гаджеты, гад же ты...

И вдруг среди этой суеты прохожие слегка замедляют шаг, а особо любопытные останавливаются и глядят кто с улыбкой, кто с недоумением... Цилиндры и треугол-

ки, широкополые шляпы и тюрбаны фланируют туда-сюда и ведут неспешные беседы. Со стороны может показаться, что обсуждают театральную премьеру или давешний бал у графа N., однако стоит подойти чуть ближе, как от подобных мыслей не останется и следа.

— Какой сегодня улов, мин херц?

— Я просил без этого... К тому же не Петр так говорил, наоборот, так Меншиков к нему обращался.

— Ну, извини. Это же профессиональное, мин херц. Тьфу ты, опять!.. Так что с делами?

— Да не очень.

— У меня то же самое. Турист вяло идет. Иностранцев вообще нет... А что у тебя в руке?

— Вот нашел... Красивая штука, а чья — не знаю.

— Да... А может, старинная?

— Я в этом, честно говоря, смыслю плохо, но, по ощущению, непростая вещь.

— Повезло... Ладно, мне пора, мин херц.

— Я же просил...

Петр Великий двинулся навстречу группе туристов, по виду провинциалов, охочих до фотоснимков «я и император», а Николай Васильевич Гоголь присел на скамью, продолжая рассматривать свою находку. Это был металлический браслет с орнаментом, стилизованным под древнегреческий меандр. Вчера вечером он поднял его в Александровском саду, оглянулся по сторонам, точно потерявший должен был непременно стоять рядом. Но сад уже пустел, и последние туристы спешили на Невский проспект.

Оттого что Николай Васильевич в жизни не брал ничего чужого, тем более не приносил в дом, он долго лежал без сна. Лезло в голову странное, будто этот браслет перепутает в квартире все предметы, за которыми и без того глаз да глаз нужен. То край пиджака выгнет из шкафа для нижнего белья, то рубашка оказывается вывернутой наизнанку, а то вдруг, что чаще всего, носку не находится пара.

Измучив себя тяжелыми мыслями, Гоголь встал с постели и подошел к окну. Напротив был дом, на фасаде которого висела памятная доска в честь великого писателя, чью роль он исполнял на подмостках городской площади. В отличие от квартиры литератора, которая выходила во двор, его жилище всеми окнами смотрело на Малую Морскую. Улица не затихала ни на минуту. Шум от машин, троллейбусов, прохожих, ресторанов и кафе, что были здесь едва ли не в каждом доме, поднимался к нему на третий этаж и днем и ночью. А стоило лишь открыть окно, как в квартиру врвался жуткий грохот вместе с запахами бензина и гари.

Окно он закрыл. Сна по-прежнему не было. И тогда Николай Васильевич позвал в темноту комнаты: «Кис-кис-кис». Как обычно, животное появилось неизвестно откуда, точно проверяя, знает ли хозяин все укромные уголки.

Он подобрал его на улице и назвал КОТ — заглавными буквами, потому что эта конструкция расшифровывалась — Кот Особо Толковый, — мысленно он так и произносил. Его толковость заключалась в том, как он умел слушать — долго-долго, не сводя своих желтых глаз и словно бы все понимая. Изредка, когда одобрял хозяина, он кивал большой головой с черной полосой вдоль всего лба и двумя такого же цвета пятнами за ушами. Если не соглашался, то отводил взгляд и даже отворачивался. Или так только казалось? Ведь не способен же в самом деле... Хотя как знать, как знать...

О существовании КОТа он никому не рассказывал. Лишь однажды проговорился Владимиру Ильичу Ленину в Екатерининском саду и сильно об этом пожалел, потому что вождь мирового пролетариата при всякой встрече начинал расспрашивать о КОТе, и все с усмешечкой да с шуточками. Словом, с тех пор он стал избегать Ильича.

— Вот браслет, — Гоголь показал его КОТу. — Нужно найти человека, которому он принадлежит. Понимаю, конечно, ты не сыскная собака...

КОТ изобразил свое безмолвное «да» и приготовился слушать дальше.

— Но дело не в браслете, вернее, не только в нем... Я часто думаю о том, надо ли нам все это, — он показал в сторону улицы, но видя, что КОТ не понимает, распахнул окно. — Слышишь?.. Нет, я не ретроград, стоящий на пути у прогресса. Я против прогресса как такового, если от него лишь много жратвы, питья и удовольствий. Вдобавок наша жизнь бессмысленно ускоряется. Скажи, для чего нужна скорость в сотни километров в час, когда мы сами себя толком не знаем?

КОТ начал слушать более заинтересованно, аж ушами зашевелил, и Николай Васильевич склонился к нему и заговорил доверительным шепотом:

— Я нашел развилку, откуда цивилизация пошла неправильным путем, — он сделал паузу, а затем, будто ему внимала толпа, прокричал: — Начало девятнадцатого века! Все эти паровозы, пароходы, телеграф, электричество... Разумеется, были и раньше открытия, одно колесо чего стоит, но все-таки картина мира оставалась прежней. У человечества еще был выбор: либо жить в гармонии с природой, либо идти против нее. Точку невозврата, как теперь говорят, мы прошли из-за паровой машины, из-за этого чертова Джеймса Уатта!

Николай Васильевич подбежал к столу и стал с грохотом выдвигать и задвигать ящики. Иллюстрированный журнал нашелся на самом видном месте рядом с настольной лампой и был открыт на странице с портретом джентльмена в коротком парике, с изысканным белым галстуком, продолговатым лицом и крупным носом. За его простой внешностью Гоголю виделась изощренная уловка, на какую способен один дьявол. Ибо кто еще может таиться в глубине этих, казалось бы, бесхитростных глаз?

— Тут еще статья, — выкрикнул он, потрясая журналом, после чего начал его листать сначала по ходу страниц, затем в обратную сторону и вдруг разразился безудержным до истерики хохотом.

— Нет, ты только послушай! Благодетель! Ангел во плоти!.. Вот, например... С паровой машины Джеймса Уатта началась индустриальная эпоха не только в Англии, но и во всей Европе. Если говорить в глобальном плане, гениальный изобретатель подарил человечеству удобство скоростного передвижения, освободил рабочих от тяжелого труда, сделал жизнь более осмысленной и комфортной. Именно благодаря инженеру из маленького шотландского городка простые люди, конечно, не сразу, но со временем, получили возможность пользоваться всеми благами цивилизации...

В раздражении бросив журнал на стол, Гоголь схватил КОТа и поднес его к окну:

— Называется «блага цивилизации». Смотри!

Поскольку КОТ начал сразу же вырываться, пришлось снова усадить его на диван. КОТ демонстративно отвернулся: то ли ему не понравилось, что его таскают туда-сюда, то ли неприятны были речи хозяина. Николай Васильевич счел нужным объяснить:

— Ты, вижу, не возьмешь в толк, какая связь между браслетом и обществом потребления. Понимаешь, какое время, такие и слова. Гаджет, валидатор, мерчендайзер — дрянь, произносить не хочется! Но главное, насколько отличаются люди прошлого и теперешние человекоподобные! Представь девушку, на которой пусть простое, но платье, туфельки, ожерелье или бусы вокруг шеи, на руке браслет. А теперь, тут и представлять ничего не надо, выйди на Морскую и посмотри: толстые, извини за моветон, жопы, и чем толще, тем более узкие джинсы, наушники, в одной руке какая-нибудь гадость вроде гамбургера, а в другой — мобильник, где наша красавица либо что-то смотрит, либо орет туда на всю улицу... Теперь тебе ясно, почему я хочу найти хозяйку браслета?

Прозвучавшее в ответ урчание, по-видимому, было формой кошачьего одобрения гоголевских планов. Николай Васильевич уверился в этом окончательно, когда, съев

целую миску корма, КОТ долго и с благодарностью лизал его руку, после чего разлегся во всю длину своего тела в изножье кровати.

Уснул Гоголь с убежденностью в том, что надо искать среди своих, царей да поэтов. Доводов в пользу этой версии у него не было, однако так уж происходит между явью и сном, что никаких умозаключений и не требуется.

Глава II. БРАСЛЕТ-1

Под утро разразился ливень, настолько сильный, что вдоль улиц потекли ручьи. Так бы и стоять городу промокшим до последнего листочка, до последней травинки в парке, если бы не выкатилось на небо звенящее солнце и в один прием не выпило всю влагу. Днем пекло не меньше, так что особым спросом стали пользоваться скамейки возле фонтанов и набережные, куда от воды поднималась прохлада. Жара отпустила только ближе к вечеру.

Дул крепкий норд-вест, играли на Неве волны, по небу тянулись легкие облака. И смеялась на Дворцовой площади девчушка в цветастом ситцевом платье, и на Египетском мосту юноша целовал свою подругу, и старик вытирал платком вспотевший лоб перед колоннадой Исаакиевского собора...

Между тем Невский проспект и прилегающие улицы наполнялись празднично гуляющим народом. А где народ, там и ряженые фигуры, посланцы тех расплодившихся в последнее время фирм, чьей единственной задачей было облачить в костюмы разных эпох студентов и несостоявшихся актеров и отправить их в людные места.

У памятника Екатерине Великой, что на площади Островского, исторических персонажей явно прибавилось. Встал со скамейки и начал, заложив руки за спину, прохаживаться от фонаря к фонарю Гоголь. Чета Пушкиных обходила памятник по часовой стрелке, а Петр Великий с Екатериной Первой — против часовой. Неподалеку расположился Маяковский и, качаясь с пятки на носок, читал свои стихи. Был тут и Ленин и, словно бы готовясь произнести речь, оглядывал толпу из-под козырька кепочки, и императрица Екатерина Великая, которая неспешно обмахивалась огромным веером. Словом, компания подобралась весьма любопытная.

— В Каткином саду, как принято его называть в простонародье, ваше место всегда на пьедестале.

Сказав комплимент, Пушкин изогнулся в шутовском поклоне.

— Вы сегодня весьма любезны, — Екатерина Великая сложила веер и хлопнула им по ладони.

— Зачем же вы спустились на грешную землю, матушка? Вы были в таком блестящем обществе! — Пушкин показал на памятник, по окружности которого замерли в бронзе полководцы и государственные мужи.

— Ах, они мне все надоели, — отмахнулась императрица и проследовала дальше.

Пушкин подошел к Маяковскому с Гоголем:

— Нет, вы слышали? Возомнила о себе Бог знает что!

Возмущенный, он направился за утешением к супруге, тогда как Гоголь, глядя императрице вслед, заметил:

— Голубая кровь.

— Кто, она? — удивился Маяковский. — Да это Светка Попова, мы с ней в одной конторе работаем. Обыкновенная девица с окраины города. И манеры соответствующие: может и сплунуть, и по матушке послать.

— И все-таки... Дворянское происхождение, знаешь...

— Слушай, Николай Васильевич, а ты не заигрался ли, часом? Может, ты и себя великим писателем считаешь?

- Ну, писатель не писатель... К слову, Гоголь тоже был из дворян. Маяковский с жалостью посмотрел на собеседника:
- Дворянство было сомнительное, поскольку какие ж из казаков дворяне? Смешно, Николай Васильевич.
- Может, ты и прав. Да только не тебе об этом судить.
- Намекаешь, что Маяковский был из простых?.. Тогда скажу прямо: если ты будешь продолжать в том же духе, то повторишь судьбу Гоголя. Надеюсь, тебе известно, насколько тонка грань между гениальностью и безумием.
- Посчитав бессмысленным продолжать разговор, тем более что Гоголь, как-то покошачьи встряхнув головой, отвернулся с обиженным лицом, Маяковский подошел к молодым ребятам, чей вид ясно указывал на их принадлежность к веселому студенческому братству. Они уже давно отпускали шуточки, дескать, что делает революционный поэт среди эксплуататоров трудового народа.
- Желаете подискутировать?
- Странно видеть вас здесь, — ответил высокий парень в каком-то смешном котелке, из-под которого выбивались длинные волосы. — Одно дело, когда возле памятников трутся всякие Петры и Екатерины. Уже привыкли. Но при чем тут Маяковский?
- Хочу обратить ваше внимание на еще одного далеко не последнего поэта, — Маяковский показал на Александра Сергеевича Пушкина, который в этот момент под ручку с женой проходил мимо, при каждом шаге с важностью опираясь на трость.
- Ага, которого вы хотели сбросить с парохода современности, — мгновенно отреагировала девушка с необъятной фигурой любительницы фастфуда и социальных сетей.
- Ну, это давно было, — Маяковский на секунду задумался. — Если мне не изменяет память, 1912 год, манифест «Пощечина общественному вкусу».
- С тех пор вы обуржуазились? — не унималась девушка.
- С тех пор все обуржуазилось. А если бы мне понадобился адвокат в этом споре, то лучше Ленина не найти. Владимир Ильич, можно вас на минуточку?
- Вождь мировой революции как раз только что вышел из кадра, где приятно проводил время в обществе двух блондинок. Быстрым шагом он приблизился к Маяковскому и, оставаясь в образе, на ходу произнес:
- Чем, Владимир Владимирович, могу вам помочь?
- Вы же начинали как адвокат. Защитите меня от наступающей молодежи.
- Товарищи! — Ильич резко выбросил руку вперед. — Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата!
- А как же... — начал парень в котелке, но Ильич его прервал:
- На этом все, товарищи! Пусть демагогией занимаются нанятые капиталом журналисты. У нас с вами другой путь!
- Молодые люди, увидев, что противник не по зубам, тотчас покинули словесное ристалище. Вообще, Ленин обладал редким даром убеждать и умел своими речами так же легко овладевать вниманием масс, как и рассеивать их в беспорядке. Последнее свойство очень ценилось среди «ряженных» Екатерининского сада. Чуть что, они звали Ильича на подмогу.
- Был он примечательным человеком. Когда только начинал, то отходил за дерево и там оттачивал ленинские жесты. Особенно долго работал над тем, как правильно выбрасывать руку. Разбил движение на три фазы: сначала поднимается предплечье, затем распрямляется локоть, после чего вперед идет кисть. На то, чтобы все получалось слитно, он потратил немало времени, зато добился исключительного правдоподобия. Им восхищались в равной мере Пушкин и Гоголь, Маяковский и Петр Великий.
- Как это у тебя получается? — снова восхитился Маяковский.
- Учиться, учиться и еще раз учиться!

— Ты все шутишь...

Опередив Маяковского, который собирался закурить папиросу, Ленин повторил свой доведенный до совершенства жест, только на этот раз в его руке была зажигалка в форме пистолета.

— Ловко, — оценил его трюк поэт и глубоко затаился, прежде чем продолжить. — А вот скажи, видишь ли ты разницу между собой и тем, кого здесь изображаешь?

— Если бы не видел, то лежал бы теперь в палате вместе с Наполеонами и Александрами Великими.

— Ну, нам и своих великих хватает, — рассмеялся Маяковский.

— А почему ты спрашиваешь, батенька? — Ильич посмотрел с характерным прищуром.

— Беспокоюсь за хрупкую психику нашего Николая Васильевича. Понимаешь, он в последнее время когда говорит о Гоголе, то, похоже, имеет в виду самого себя.

— Вопрос столь важен, что решить его нужно незамедлительно!

С этими словами Ленин порывисто развернулся и, заложив руки за борт жилета, направился к памятнику. Он внимательно глядел по сторонам, пока не обнаружил Гоголя в глубине сада.

Из-за того, что ночью почти не спал, Николай Васильевич чуть не опоздал в контору за «гоголевским» реквизитом, чем вызвал немалое удивление у коллег. Светлейший князь Меншиков, любивший говорить выразительно, произнес очередной афоризм: «Раньше я определял время по тебе, нынче же придется заводить часы». Смущенно улыбаясь, Гоголь продолжил стягивать с ноги тесный ботинок. И теперь, поскольку одевался в костюмерной на скорую руку, вдобавок в потемках, приходилось то и дело поправлять съезжавший парик, крапчатую жилетку, перечеркнутую толстой цепью часов, поддергивать серые панталоны на широких штрипках. Любой другой на его месте, когда здесь тянет, а там свисает, и думать бы позабыл о такой безделице, как браслет. Но Гоголь был человек особенный. Если уж появлялась у него какая-нибудь мысль, то поглощала его без остатка.

— Привет, Николай Васильевич. Что тут делаешь?

— Стою. И настраиваюсь.

— Коротко и ясно. Над чем сейчас работаешь — «Шинель», «Ревизор», «Мертвые души»?

— Все уже написано. Я не повторяюсь.

— Написано, но не сожжено. Или я не прав?

Сколько Ильич ни прищуривался, сколько ни заглядывал в глаза Гоголю, тот упорно молчал. Тогда Ленин решил зайти с другой стороны:

— Как поживает твой замечательный кот?

— Спасибо, здоров.

— Здоров и умен, — поправил Владимир Ильич. — Он по-прежнему твой лучший собеседник?

Вместо ответа Гоголь стал шевелить губами, из чего сложно было вычленить слова, но одно Ленину разобрать удалось — готов.

— Что, готов?

— Настроился.

Покинув Ильича, который так и остался в неведении, правомерны ли опасения революционного поэта, Николай Васильевич захрустел башмаками по гравию дорожки.

Чета Пушкиных все так же неспешно делала круги, и к Гоголю вернулась прежняя неуверенность. Сжав браслет в кармане сюртука, он все-таки заставил себя к ним подойти.

— О, Николай Васильевич! — обрадовался Пушкин. — Наш малороссийский гений! Неужто хотите у меня опять какой-нибудь сюжет перехватить? — он рассмеялся.

— Можно вас на пару слов? — Гоголь покосился на руки Натальи Николаевны, есть ли там браслет, но рассмотреть не смог.

Александр Сергеевич служил прежде в театре. И хотя карьера не задалась, он по-прежнему считал себя мастером сцены, тогда как остальные едва дотягивали до кружка художественной самодеятельности. Разговаривая с ними, он при всяком удобном случае давал понять, какая пропасть их разделяет. Но, в сущности, был он человеком добрым и отзывчивым.

Они сели на скамейку в тени клена. Сняли цилиндры, при этом обнаружилось, что у Пушкина небольшая лысина, а бакенбарды приклеены.

— С лица юный поэт, а сзади, увы, не молод, — пошутил Александр Сергеевич. — Так что вы желали обсудить, Николай Васильевич?

— Собственно, предмет простой...

Видя, что собеседник затрудняется со словами, он решил взять инициативу в свои руки и с воодушевлением произнес:

— Я не перестаю удивляться, какой блестящий круг литераторов у нас сложился! Пушкин! Гоголь! Что ни имя, то целая эпоха!

— Есть еще Маяковский, — успел вставить Николай Васильевич.

— Да, конечно... Но это все-таки другое время... Мы-то с вами век Золотой, а он всего лишь Серебряный!

Александр Сергеевич увлекся, как бывало в театре, когда в его роли вдруг появлялись слова и целые фразы, не предусмотренные пьесой.

— Хотелось бы собраться всем вместе, поговорить о писательских делах, о творчестве, поспорить. Можно было бы и здесь, а лучше где-нибудь в кафе на веселой дружеской пирушке. Настоящий литературный салон, как в годы былые! — Пушкин помолчал, затем задумчиво произнес: — Да, годы, — и невольно потер лысину, что, видимо, заставило его вспомнить о собеседнике. — Извините, Николай Васильевич, вы хотели... Слушаю вас.

— У меня оказался браслет, — начал Гоголь, уже почти отчаявшийся изложить свое дело. — Я нашел его здесь, в саду. Вот, — он открыл ладонь. — Мне кажется, это браслет Натальи Николаевны.

От Гоголя браслет перешел к Пушкину. Тот покрутил его так и этак, даже слегка подбросил.

— Что ж, действительно, похож. Но я могу ошибиться, лучше показать ей.

— Видите ли, я ее побаиваюсь, — признался Гоголь и совсем не ожидал, что собеседник вдруг подхватит с живостью:

— Признаюсь честно, я тоже. Вот, думаю, удивился бы поэт, окажись у Гончаровой такой сложный характер. Впрочем, если вы робеете, давайте подойдем вместе.

Рядом с Натальей Николаевной стоял крикливый пожилой народ, все в одинаковых куртках оранжевого цвета, что служило, по-видимому, знаком принадлежности к одному туристическому автобусу. Кричали же они о том, что, дескать, ехали сюда ради Пушкина, а им подсовывают какую-то Гончарову.

— Александр Сергеевич, — позвала она, — люди желают видеть именно вас.

Несколько минут ушло на то, чтобы тетеньки в оранжевом запечатлели себя рядом с поэтом. Все это время Гончарова стояла, демонстративно отвернувшись.

— Помнят в России своего первого поэта, помнят. А ты жена первого поэта, — он обнял ее и поцеловал в щеку.

— Помилуй, мне нет дела до того, какая у тебя классификация.

— Наталья, — он чуть помедлил. — Мне нужно убедиться, есть ли на твоей руке браслет.

— Что за причуда, Александр?.. Ты, верно, прочитал «Маскарад»! — она громко рассмеялась своей догадке.

— Николай Васильевич, — окликнул он писателя, — давайте свою вещь.

Церемонно, будто он считал себя куратором выставки, перлом которой был браслет, Гоголь показал его с разных сторон, от чего Наталья Николаевна снова рассмеялась.

— Ребята, вы, ей-богу, смешны. Пушкин и Гоголь, которые неизвестно почему разыгрывают драму Лермонтова. У вас что, своих сюжетов не хватает?

— Для меня это вопрос чести, — тихо произнес Гоголь. — Я нашел браслет вечером возле памятника, когда тут почти никого не было. Теперь мой долг вернуть его владельцу.

— Прошу вас, — она по очереди приподняла широкие рукава, показав запястья. — Ну что, господа, убедились?.. А тебе, — она посмотрела на Пушкина, — стыдно не знать, как выглядит браслет жены.

Действительно, украшение на руке Гончаровой представляло собой разомкнутую змейку, голова которой пыталась ухватить собственный хвост, а то, что держал Гоголь, было попроще, в виде ажурно сплетенного обруча.

— Позвольте, Николай Васильевич, — она взяла браслет и посмотрела на него оценивающе. — Да это же, ребята, дешевка, уж извините за прямоту.

До Екатерининского сада Гончарова служила вместе с Пушкиным в одном театре, и, по слухам, вместе их оттуда и попросили из-за скандальной любовной истории, где, кроме них, фигурировали жена Александра Сергеевича и муж Натальи Николаевны, который в то же время был заместителем худрука театра. Сплетники на этом не успокаивались, утверждая, что сейчас они сожительствоуют, только почему-то скрывают свои отношения от посторонних.

Продолжая крутить браслет в руках, Гончарова сказала:

— Такие в сувенирных лавках продают для невзыскательных туристов. Наверное, кто-нибудь из них и обронил.

Гоголь опустил голову, от чего челка упала на глаза. Так простоял он довольно долго, когда же поднял взгляд, то был спокоен и сказал с решительностью:

— Все-таки я выясню, чей это браслет. Есть, знаете ли, вещи принципиальные.

— Я помогу нашему другу, — заявил Пушкин и устремился вдогонку за писателем.

Екатерина Первая, на самом деле и внешностью, и нравом напоминавшая веселую и беззаботную Марту Скавронскую, сказала, что ей не по душе надевать всякие безделушки, что и без них она хороша и любима Петром Алексеевичем. Разговор с другой Екатериной был больше похож на аудиенцию: литераторы вразнобой пытались объяснить причину своего визита, а императрица холодно выслушивала, после чего высказалась в том смысле, что подобная ерунда, возможно, интересна кухарке, но никак не государыне российской.

— Черт знает что, — ругался Пушкин. — Иногда мне кажется, что прав Маяковский. Хотя его мнение, конечно... Но ведь это так: мы уже не актеры, мы становимся теми, кого играем. Шизофрения в чистом виде!

— Теперь совсем непонятно, чей же он, — думал вслух Гоголь и почесывал затылок.

— Знаете что, Николай Васильевич, — в нетерпении сказал Пушкин, — Наталья Николаевна определила, что браслет копеечный, а она в этом толк знает. Так что вы оставьте его у себя или, если не нужен, просто избавьтесь от него.

— Избавиться, — повторил Гоголь и повернулся к собеседнику, но тот уже приподнимал в знак прощания цилиндр, и вот уже шел сквозь толпу, стремительный и легкий.

Предложение поэта показалось ему кошунством, едва он представил браслет среди окурков и битого стекла или под башмаками тысяченогой толпы. Но разве нет другого выхода?..

Глава III. БРАСЛЕТ-2

Возле садовых ворот стояла сувенирная лавка в стиле «а-ля рус». Обыкновенно Николай Васильевич обходил лавку стороной, лишь издали кивая Льву Николаевичу, продавцу. Тот был ворчлив, а временами скандален, когда возникал спор из-за цены или качества его ярких, но никудашных побрякушек. Теперь же Гоголь направился прямо к нему и выложил свой товар на прилавок.

— Отдаю просто так.

— Ты, мил человек, каждый день тут гоголем ходишь, а так и не посмотрел, чем мы торгуем, — продавец показал на целый ряд самых разнообразных браслетов и добавил: — Никак не возьму, хоть с доплатой. Эти бы кому продать. Может, купишь?..

В который уже раз Николай Васильевич начал объяснять, откуда у него украшение и почему его нужно вернуть владельцу. В конце концов он сам запутался и отошел в сторону, но так, чтобы держать в поле зрения торговую точку. В голове крутилось что-то неопределенное: девочка, браслет, пусть носит... Однако прошла их бесконечная вереница — длинноволосых и коротко стриженных, болтливых и молчуний, с родителями и без, — а Николай Васильевич так и не сдвинулся с места. То ли робость мешала, то ли не видел достойных...

От безысходности он решил воспользоваться советом Пушкина: незаметно вырвал браслет там же, где его и нашел. А затем, усевшись на край скамейки, наблюдал за происходящим. Словно на сцене, перед ним разворачивалось театральное действие... Вот молодой, сияющий улыбкой парень поднял браслет, показал его своей девушке, на что она лишь брезгливо поморщилась. Спустя секунду находка летела в сторону, оказавшись совсем близко от Николая Васильевича. Через некоторое время браслет был уже в руках девчонки лет пяти, которая похвасталась перед мамой:

— Гляди, какая штука!

— Брось немедленно!

— Ну, почему?..

— Это грязь. Нельзя ничего поднимать с земли.

Пока мама вытирала пальцы платком, а после уводила за собой упирившегося ребенка, Гоголь заметил, как в саду появилась парочка бомжей: он в черной вязаной шапке, которая без всякого перехода превращалась в лохматую бороду; она с волосами, убранными в пучок, в длинной бесформенной куртке, из-под которой выглядывали резиновые боты ярко-красного цвета.

От неприятного предчувствия Гоголь слегка вжался в спинку скамейки и начал внимательно следить за перемещениями парочки. Обшаривая глазами пространство сада, особо тщательно урны, они неминуемо приближались.

— Во чего, — он медленно нагнулся. — А ты, слепота, все по верхам. Говорю ж, вниз надо смотреть.

— Закрой хайло, — она вырвала у него браслет, после осмотра которого кратко подвела итог: — Дрянь серийная.

— Много ты понимаешь, — он вернул находку себе, однако тут же засомневался: — Что, и на бутылку не потянет?

Она отрицательно покачала головой, а он уточнил, заглянув ей в глаза:

— А если пива?

Не ответив, она села на скамейку рядом с Николаем Васильевичем, а ее спутник расположился чуть дальше. Вскоре он повторил:

— Так чего насчет пива?

— Я ж говорю, дешевка.

Николай Васильевич произнес еле слышно:

— Заладили все — дешевка, дешевка... У хороших дорогого не бывает.

Оба посмотрели на него, явно не расслышав, что он сказал, но заинтересовавшись его видом.

— Ты кто будешь, шут гороховый? — спросил бомж.

— Не узнал, что ли? Это Гоголь, великий писатель, — тоном учительницы произнесла она, при этом Николай Васильевич чуть приподнял цилиндр.

— А... В школе проходили, «Мертвые души», все такое... — бомж уже с любопытством разглядывал Гоголя и вдруг оживился от внезапной мысли: — Натах, ты посмотри, какой он жалкий. Давай браслет ему отдадим!

— Зачем? У него ведь ни жены, ни детей.

— Откуда ты знаешь-то?

— Надо было учиться, а не портвейн пить.

— Кто пил-то, а? — возмущенный, он встал. — Сама, наверно, вообще...

Теперь встала и она и сказала, отделяя одно слово от другого:

— Что вообще? У меня по литературе всегда «пятерка» была.

— Тогда чего ж ты теперь?

— Потому что с таким козлом, как ты, связалась.

— Да я тебя, стерву...

Они удалялись, двое алкашей, продолжая спорить, кто из них лучше знаком с русской классикой. Позабутый ими браслет лежал на скамейке.

К Николаю Васильевичу подошли пожилые иностранцы, мужчина и женщина. Он поспешил встать, крайне удивленный: ведь туристы с Запада, как правило, не знали, что существует русский писатель по фамилии Гоголь. Впрочем, объяснение этому нашлось сразу. Мужчина преподавал славистику в университете Сиднея, владел русским, на котором и рассказал, что для него есть не только Толстой с Достоевским, но и такой, как он выразился, маленький человечек с птичьим носом.

Австралийский профессор одарил Николая Васильевича пятидолларовой купюрой и теперь, требовательный, засыпал его вопросами. Гоголь ухитрился отвечать и одновременно следить за скамейкой, где он оставил браслет как приманку. Поначалу туда никто не садился, затем появилась девушка: темно-синее платье, русые волосы, сумочка на коленях... Рассмотреть больше этого ему не удавалось, как бы он ни выглядывал то справа, то слева, то поверх голов.

Между тем профессору понадобилась очередная консультация:

— Морская слобода, адрес писателя. Где это в Петербурге?

Как знаток города и житель тех мест, Николай Васильевич объяснял во всех подробностях, а когда закончил, девушки уже не было. Наскоро попрощавшись с иностранцем, который изловчился сунуть ему в руку еще пять долларов, он первым делом бросился к скамейке, обнаружив, что браслет лежит на прежнем месте. Наверное, не заметила, решил он и принялся искать девушку по всему саду. Почему-то была уверенность, что ему нужна именно она, что иначе и быть не может...

Вернулся Гоголь мрачнее тучи и даже хотел, не будучи курильщиком, стрельнуть у Маяковского сигарету, да тот был занят с туристами. Однако долго горевать ему не дали. С легкой руки австралийского профессора народ валом повалил к Николаю Васильевичу, так что он едва успевал фотографироваться и рассовывать деньги по карманам сюртука. Только к вечеру, когда пора было собираться, чтобы порадовать хозяина фирмы заработанным барышом, он вспомнил о браслете.

Гоголь сел на ту же скамейку, устало и с безразличием осмотрелся по сторонам. Наступил тот час, когда перед вырставшим вдали Александринским театром собиралась толпа, и росла, шумела, и как будто отовсюду притягивала к себе дорогие автомоби-

ли и яркие платья. Он перевел взгляд вверх, где на фоне ясного неба громоздились темные кроны деревьев и на западе, над крышами домов, лежала зеленой полосой заря.

Ему не хотелось домой. Здесь он был Гоголь, а дома обычный человек, без друзей и привязанностей, если не считать КОТа. В этом своем одиночестве он ложился на диван, закинув руки за голову и глядя в потолок, и не знал, что делать, о чем думать, и лишь торопил сегодняшний день, чтобы завтра снова надеть цилиндр, взять в руки трость, почувствовать, как падает на лоб знаменитая гоголевская челка...

Перед самым выходом из сада его окликнул Лев Николаевич. Он укладывал свой товар в широкие спортивные сумки: матрешки в одну, футболки в другую, магниты с браслетами в третью.

— Ты, мил человек, не спеши, — сказал он и исчез под прилавком, впрочем, довольно быстро вновь появился. — Нашлась хозяйка-то. Говорит, потеряла вчера, в саду... А я, получается, вроде стола находок.

Николай Васильевич издал нечленораздельный звук то ли радости, то ли изумления. Продавец, однако, даже ухом не повел и скучным голосом продолжил:

— Я ее на тебя, то есть на Гоголя, сориентировал. Показал даже, куда идти, — он опять юркнул под стол и теперь пробыл там долго, так что Николаю Васильевичу пришлось его позвать:

— Эй!.. А что за девушка?

— Ай-ай-ай, значит, не нашла, — он высунул на поверхность голову, повертел ею и только после этого встал во весь рост. — Красавица. Штучный товар. Но, знаешь, она тоже того, — он выразительно посмотрел на Николая Васильевича. — Сначала ты эту браслетину приносишь, а после она ее ищет, потом тебя... Сумасшедший дом какой-то!

— Синее платье, волосы русые до плеч, сумочка? — выпалил Гоголь.

— Точно-точно, — торговец хитро посмотрел на писателя.

— А еще что?

— Мил человек, я тебе говорю — кра-са-ви-ца. Лицо как на старых снимках бывает — посмотрел, и на всю жизнь. Если такая хоть дохлую крысу потеряет, все равно найдешь...

Гоголь шел в контору, засунув руки в карманы, в одном из которых лежали заработанные за день деньги, а в другом он сжимал браслет. Там ему и место, думал Николай Васильевич и еще думал, что лучше искать одно большое, чем постоянно следить за кучей предметов, которые имеют привычку расползаться по разным углам квартиры. А уж найдется или нет... Хотя у него есть свидетель, да-да, чертов продавец тех самых расползающихся. Пускай он редкостный прохвост и торгаш без стыда и совести, но он ее видел, он не даст пройти мимо...

Глава IV. И. С. ТУРГЕНЕВ

Никто не любит памятники так сильно, как птицы, а среди них вне конкуренции голуби. Летят с чердаков, прервав любовные игры, с крыш, деревьев, летят отовсюду, и едва разглядят бронзовую голову, будь то человеческая, лошадиная или какая иная, — так сразу и пикируют. Чем голова больше, чем памятник выше, тем охотнее на него садятся эти искатели отлитой в бронзу вечной славы. Хочется понять, какая сила их сюда влечет? Неужели и вправду знают толк в живописи, стихах, науках, государственной власти?

Об этом, вопреки стилистике своего рваного стиха, думал, а вернее, мысленно сочинял Владимир Владимирович Маяковский. Вдохновением для него служил памятник Екатерине Великой, чья увенчанная лавровым венком голова побелела от птичьего помета.

Он писал стихи, которые изредка публиковались в журналах, а в последнее время решил раздвинуть горизонты — взялся за эссе и небольшие рассказы. Свое творчество он подписывал В. В. П. — с явным намеком на инициалы действующего президента, но в то же время и с полным основанием: он действительно был Владимир Владимирович, а его фамилия, пусть и не совпадавшая с президентской, начиналась с той же буквы «п». Какие претензии могут быть к начинающему автору?..

День начался с того, что к нему подошел Ленин и, чем-то взволнованный, спросил:

— Ты знаешь, о чем говорил Лев Николаевич с Николаем Васильевичем?

— По-моему, они не были знакомы.

— Брось, я серьезно. Оказывается, наш продавец просто соврал, что к нему подошла девушка, потерявшая браслет.

— Зачем? — удивился Маяковский.

— Пошутил, такой у него юмор. Я ему говорю: «Ты понимаешь, что он одинокий человек, что он ни с кем, кроме своего кота, откровенно не разговаривает, что его вообще непонятно что удерживает от безумия».

— А он? — коротко спросил Маяковский.

— Смеется, сволочь. Дескать, вот и проверим, больной он или только прикидывается. Я ему чуть в морду не дал. Единственно, удержало, что к нему покупатели подошли, а я, значит, в образе Ильича...

— Да, была бы эпическая картина: Ленин, изгоняющий с площади частного собственника.

— Говорю, брось. Надо открыть ему глаза, но очень осторожно, иначе и вправду с катушек слетит.

— Открыть или не открывать — вот вопрос. И я пока не знаю ответа...

На самом деле Маяковский принялся за эссе, посвященное птицам и императрицам, лишь потому, что в процессе работы решение зачастую приходило само собой. Станным образом текст от этого не только не страдал, а, напротив, делался много лучше.

Воробьи тоже хороши, никакого почтения к царствующей особе, — продолжил было Маяковский сочинять, однако тут к нему подошла Екатерина Великая.

— Володенька, — попросила ласково, — у тебя покурить есть?

Будучи поэтом пролетарским, борцом с самодержавием, он и не подумал встать со скамейки, лишь поднял на императрицу лукавый взгляд:

— Ладно я, мне курить и положено. Но вам, матушка, не по чину будет.

— Как-нибудь сама с чинами разберусь.

Он достал пачку папирос, затем, чему-то улыбнувшись, извлек из другого кармана сигареты.

— Две-то тебе зачем? — спросила Екатерина.

— Одна — дань уважения великому поэту, другая — дань собственной пошлой привычке.

— Раздвоение личности, — она пальцами, как пинцетом, вынула сигарету из пачки.

Они курили возле ограды сада, прикрывшись от гуляющей публики кустами роз и сирени.

— Вообще-то, я редко, — говорила она, выпуская струйку дыма за ограду. — И всегда здесь, чтоб никто не видел.

— А я, наоборот, часто. Когда на сцене, — он кивнул в сторону памятника, — то исключительно папиросы. Иногда одну от другой прикуриваю, как завещал непревзойденный мастер слова.

— Ты действительно как будто на сцене?

— Забочусь о своем душевном здоровье. Пример нашего Николая Васильевича перед глазами.

— Как он, кстати? Что-то не подходит, молчит...

— Понимаешь, некогда ему. По-прежнему разыскивает девушку, которая потеряла браслет, который он нашел и который, как ему кажется, она ищет... В общем, там все сложно.

— Так это ее браслет?

— Не бери в голову. Говорю же, все сложно. Перед Николаем Васильевичем явно невыполнимая задача, решать которую он готов до конца дней своих. И слава богу!

— Что ж здесь хорошего?

— Это, — он вдумчиво на нее посмотрел, — еще сложнее будет объяснить.

Екатерина, казалось, хотела по царской привычке вспылить, мол, как смеешь так со мной разговаривать, однако что-то ее отвлекло. Прищурился глаза, она долго всматривалась вдаль, прежде чем проговорила:

— А вот, кажется, и он.

— О, наш малороссийский гений, как любит выражаться Александр Сергеевич, — Маяковский развернулся и с улыбкой наблюдал за тем, как, склонив голову набок, роюсь в карманах, к ним приближается Гоголь.

— Потерял что-то, Николай Васильевич? — спросил поэт.

— Уже нашел. Просто сунул не туда.

— А что нашли? — уточнила Екатерина Великая.

— Вам это знать не надо, — пробурчал он и, повернувшись к ней вполборота, обратился к Маяковскому: — Там что-то начинается.

Не убрав улыбку с лица, поэт смерил Николая Васильевича взглядом, удивленным и вместе наполненным детской радостью, на что писатель зверьком глянул из-под челки.

— Чем объяснять, лучше будет, если вы сами посмотрите, — резким движением руки он отбросил челку со лба и принял вид рассерженного ребенка.

Они потянулись вслед за Гоголем: поэт — в предчувствии забавного продолжения; императрица — с тревогой глядя в спину этому насупленному безумцу.

«Великие» сбились в группу посреди сада, о чем-то жарко споря. Лишь Пушкин стоял в сторонке. Он-то первым и поприветствовал подошедших и особо обратился к Екатерине:

— Без вас принять решение никак не могут. Ведь вы тут... — он головой и глазами указал на самодержавную фигуру, царившую над садом.

Маяковский в нетерпении произнес:

— Давайте по существу, а то несете какую-то пургу.

— Вам лишь бы сплеча рубить да рифмами разбрасываться. Кстати, рифма неудачная.

Махнув рукой на первого поэта России, он поспешил дальше. Навстречу ему, отделившись от группы, зашагал в кожаных ботфортах, в распахнутом зеленом камзоле, при шпаге и засунутой за пояс подозрительной трубе — Петр Великий.

По причине ли своего первородства, или в силу того, что основал этот город с его сочинителями и высоколобыми вождями, вечно спешащим народом и неторопливыми туристами в шортах, или просто потому, что был высок ростом и силен, император вызывал уважение среди коллег по «ряженому цеху». И хотя он не блистал умом и был не шибко образован, зато знал толк в делах практических и зачастую благодаря одному лишь голосу, поистине «петровскому», решал споры в свою пользу.

— У нас форс-мажор, — сказал он так бодро, точно знал какое-то другое значение этого вошедшего в моду словечка.

— Господи, что произошло? — испугалась Екатерина Вторая.

— Ваше величество, неужто бунт? — не удержался от иронии Пушкин.

— Вот именно что бунт, — согласился император и замолчал, посчитав, вероятно, что сказанного достаточно. Некоторую ясность внесла подошедшая супруга Петра Алексеевича.

— Объявился тут один самозванец. Вон ходит, — она показала рукой в том направлении, куда смотрел и Петр. Теперь и непосвященные увидели, да и трудно было не увидеть среди толпы человека, облаченного в темно-синий фрак с блестящими пуговицами, жилетку в яркую полоску и клетчатые брюки, с повязанным вокруг шеи разноцветным галстуком.

— Это кто ж такой будет? — поинтересовался Маяковский.

— Как, вы не узнаете собрата по перу? — Наталья Николаевна Гончарова преувеличенно изумилась. — Иван Сергеевич Тургенев. Разве вы не читали?

— У меня были другие литературные предпочтения, — начал Маяковский, но Екатерина Великая его перебила:

— Тоже мне, вырядился. Весь седой, бородатый, а туда же...

— Это куда же, матушка? — Ленин вздернул вверх свою бородку и нацелил ее на императрицу. Ее ответ прозвучал хрестоматийно:

— Да все вы, мужики, одинаковые!

— Екатерина Алексеевна, я вас, наверное, удивлю, — жена Пушкина тонко улыбнулась, — но Тургенев был редкостным франтом, особенно в молодости. Да и в зрелые годы своему стилю не изменял.

— Значит, козел.

Взмахом руки Петр Первый прекратил препирательство между женщинами и, нахмутив брови, обратился к Ленину:

— Доложи, как все было. И главное, эти... Выводы... Ну, ты знаешь.

— Попрошу внимания, — вождь обвел взглядом собравшихся, и было заметно, что выступать ему удобнее всего в ленинской манере. — Я лично не разговаривал с товарищем Тургеневым. Но я видел, как он появился в саду, видел, что он представляет для нас серьезную опасность. Можем ли мы верить человеку, которого совсем не знаем, который возник неизвестно откуда и с какой целью? Мой ответ, товарищи: нет, не можем!

Закончивший выступление Ильич с большевистской скромностью отступил назад. Тут же были выбраны парламентареры, чтобы идти к самозванцу: Петр Первый, Ленин, Пушкин и Наталья Николаевна Гончарова.

— Зачем жену-то с собой потащил? — прошипела Екатерина Великая вслед делегации.

— Она ему не жена, — напомнил Маяковский.

— Ты просто не в курсе... А вот Петр Алексеевич свою не стал брать.

— Я в государевы дела не лезу, — умно ответила Екатерина Первая.

— А тебя почему не взяли? — не унималась Великая и дергала Маяковского за рукав. — Ты же такой умный, столько всего знаешь, не то что эта Гончарова.

— А ведь и правда, — поддержала Екатерина Первая.

Поэту хотелось возразить, что Наталья Николаевна хорошо образованна и уж во всяком случае может женским взглядом увидеть то, чего мужики не заметят. Однако он счел разумным не вступать в спор сразу с двумя императрицами. Молчал и Николай Васильевич Гоголь, и вид имел такой, будто происходящее его интересует мало.

Довольно быстро парламентареры вернулись. Впереди торил путь через толпу Петр, за ним гуськом с какими-то обескураженными лицами шли остальные. Замыкал шествие Пушкин и что-то бормотал себе под нос. Его бы и спросить, подумалось Маяковскому: отчего так, Александр Сергеевич? Но первое слово принадлежало императору. Как всегда лаконично, он сообщил, что Тургенев не работает от фирмы, а так, сам по себе и что, похоже, с головой у него не лады, заговаривается и все повторяет «соблаговолите» да «соблаговолите».

— Темная личность, — заключил император.

— Позвольте мне, как актеру, — наконец-то дошла очередь до Пушкина. — Настолько вжиться в образ писателя, как вжился этот старик, невозможно. Тут либо психическая болезнь, когда больной искренне считает себя Тургеневым, либо...

— Он и есть Тургенев, — отчего-то с радостью закончил Гоголь, который все это время внимательно слушал поэта и изредка поглядывал туда, где по-прежнему то скрывалась из виду, то вновь появлялась фигура старика во фраке.

— Ты, батенька, с ума сошел! — Владимир Ильич в негодовании сорвал с головы кепку и по привычке сжал ее в кулаке. — Я знаю, как следует обращаться с такими проходимцами! Я ему покажу Тургенева, он у меня быстро забудет и «Первую любовь», и «Дворянское гнездо». Только «му-му» будет говорить.

— Ну, мин херц, ты это чересчур. Старик все-таки...

— Сейчас сразу помолодеет, — крикнул Ленин на ходу.

Незаметно отделившись от «ряженных», Маяковский двинулся следом за Ильичом. Когда он подошел ближе, Ленин бешено вращал глазами и разговаривал так, словно был героем бандитско-ментовского сериала:

— Вали отсюда, пока я добрый. И чем скорее, тем лучше. Иначе заказывай себе местечко на кладбище прямо сейчас, потом времени не будет.

Тургенев молча смотрел на говорящего, по-видимому, не понимая, кто перед ним, хотя облик Ильича идеально совпадал с прототипом. Наконец произнес высоким голосом, который совсем не вязался с его крепкой фигурой:

— Не имею чести вас знать. Соблаговолите назвать свое имя.

Неожиданно Ленин представился так, как представлялся до тех пор, пока партийная кличка окончательно не вытеснила фамилию:

— Владимир Ильич Ульянов.

— Нет, не припомню... А я, впрочем, думаю, вы догадались, Иван Сергеевич Тургенев. В молодые годы, знаете ли, смущался говорить, что я писатель, особенно робел в свете. А сейчас чего ж смущаться, когда все и без того знают.

От этого тона, от этой манеры выразиться Ленин выглядел несколько растерянным. Как последовательный марксист он не мог смириться с тем, что кто-то пытается выдать себя за умершего почти полтора века назад писателя. С другой стороны, уж больно его собеседник походил на умершего...

Когда Ильич заговорил, стало ясно, что в борьбе идеалиста с материалистом победу одержал последний:

— У нас конкуренция. Закон спроса и предложения. Звериный оскал капитализма. Человек человеку волк.

Очевидно, он готов был и дальше сыпать сентенциями, если бы перед ним не возник поэт Маяковский, на голову его выше, в грозно сдвинутой на лоб кепке.

— Извините, Иван Сергеевич... Я товарищ Владимира Ильича... Хочу задать на первый взгляд неожиданный, но, мне кажется, закономерный... Словом, вы артист?

— Упаси Боже! Мои опыты как драматурга, к тому же не вполне удачные, это единственное, чем я связан с миром театра. Очень важно вовремя понять, каким именно даром тебя наделил Господь.

— В таком случае... — Маяковский не знал, чем закончить. Он нервно мял в руках пачку папирос и даже не заметил, как закурил. Несколько затяжек привели мысли в порядок.

— Здесь нельзя просто так, без лицензии. Надо зарегистрироваться как юридическое лицо. Могу дать вам адрес и телефон фирмы, где я работаю. Если вы не против, готов похлопотать за вас.

— Что вы, какие хлопоты!.. Только я никак не возьму в толк, о какой работе вы говорите. Моя единственная работа — писательский труд, другого не знаю. Если, ко-

нечно, не считать, — он грустно улыбнулся в усы, — службы коллежским секретарем, правда, непродолжительной.

О психушке, где, по всей видимости, и было место старику, Маяковскому думать не хотелось. Однако его слова и поведение не оставляли сомнений в единственном и неутешительном диагнозе.

— Ой, — совсем по-женски вдруг вскрикнул Тургенев. Это Ленин ткнул его в бок пистолетом-зажигалкой, а затем тихо, но со злостью начал говорить:

— Нажму на курок, и сразу останешься без пенсии. Понял?.. Сейчас быстро-быстро и незаметно исчезаешь. И чтобы я никогда тебя больше не видел!

К удивлению Маяковского, Иван Сергеевич даже не попытался возразить. Он медленно шел, шаркая по гравию садовой дорожки башмаками, из-под которых поднимались облачка пыли.

— Видишь, метод действует, — сказал вождь.

— А ты кем в девяностые был? — спросил поэт.

— Кто старое помянет...

Посчитав дело сделанным, Ильич ушел, тогда как поэт продолжал наблюдать за писателем. И вдруг увидел, что откуда-то сбоку к Ивану Сергеевичу стал приближаться Гоголь. Когда Тургенев выбрался на Невский, Николай Васильевич был еще перед садовыми воротами. Встретились ли два колосса русской литературы, осталось за пределами взгляда. Равнодушная к тому, велик человек или ничтожен, знаменит или безвестен, текла по тротуарам шумная, бесконечная, многоязыкая толпа.

Глава V. ВВП

Словно что-то предчувствуя, с утра над Екатерининским садом вились голуби и вороны. Исчезали на время, но лишь затем, чтобы осыпаться с ветки дерева или с навешенной ограды и снова кружить без устали. Тревожным было и небо: то синим, то бирюзовым, то выцветавшим до белизны; то вдруг налетали тяжелые тучи и раскалывались пополам, уносясь за крыши домов.

Ближе к вечеру атмосфера в саду сгустилась. И было непонятно, отчего так душно, почему замер воздух и установилась странная в центре города тишина. Однако же казалось: еще чуть-чуть, и проявит себя причина — дождем ли, ураганом или привычным за столетия подъемом невской воды выше ординарной отметки...

Ничего страшного не случилось, а только появились повсюду охранники: высокие, широкоплечие, в одинаковых темных костюмах с галстуками. Они заполнили сад, близлежащие улицы, площадь перед Александринским театром. Кто-то осведомленный сказал, что ждут президента — понятно какого! — и что он вместе с президентами дружественных стран пойдет на спектакль. Молва разнеслась быстро, и уже перешептывались старушки на скамейках, и дети дергали родителей, тот ли это дядя, что выступает по телевизору, а возле садовых ворот громогласный казак в синем кафтане и фуражке с красным околышем уверял, будто верховный главнокомандующий произнесет речь перед памятником матушке Екатерине.

Глядя на происходящее, Александр Сергеевич Пушкин, даром что артист, однако большой любитель «вестей и новостей», высказался со знанием дела:

— В последнее время президент сделался заядлым театралом. То в Большой гостей ведет, то в Мариинский, а теперь вот решил почтить своим присутствием Александринку.

Супруга его не без ехидства заметила:

— Тебе об этом в программе «Время» рассказали? А может, в каком-нибудь политическом ток-шоу?

— Ты зря иронизируешь, дорогая. Например, Пушкин прекрасно разбирался в политике. По некоторым источникам, он даже выполнял задания внешней разведки и самого государя.

Охранники вели себя спокойно. Никого в сад не пускали, но тех, кто там был, не трогали, лишь поглядывали искоса. Перемена в них случилась, едва президентский кортеж повернул с Невского: закрутили головами во все стороны, глазами забегали и успокоились только тогда, когда кавалькада автомобилей остановилась возле театрального подъезда.

С места, откуда смотрел Александр Сергеевич, было в точности не разобрать, что там происходит. Но он обратил внимание, что фельдмаршалы, как он их про себя называл, не торопятся на спектакль, а, напротив, сгрудились посреди площади и вроде бы что-то обсуждают. Когда они направились к садовым воротам, которые мгновенно перед ними распахнулись, Пушкин тут же догадался:

— Начинается любимая забава президента.

— Какая? — поинтересовался то ли Гоголь, то ли Ленин.

— Поход в народ.

— Рифма не только плохая, но и пошлая, — это уже Маяковский отомстил.

— Да заткнетесь вы, господа? — прогудел Петр Первый, который с высоты своего роста уже разглядел президента. Тот шел вдоль аллеи, улыбался, приветствовал собравшихся взмахом руки. Изредка он останавливался и накоротке беседовал со счастливыми, после чего под аплодисменты двигался дальше. У памятника Екатерине Великой он задержался, и какой-то тип с галантерейными манерами, по виду типичный прохвост, начал излагать ему историю замысла, строительства и бытования монумента.

— Вроде экскурсовод из турфирмы «Аист», — поделилась своими наблюдениями Екатерина Первая.

— А мне кажется, тот, который корейцев водит, — возразила Вторая.

— Нет, похож просто. У того и рост выше, и нос не такой длинный, — настаивала Первая.

Конец спору положила Наталья Николаевна Гончарова:

— Девочки, вы прямо как гоголевские персонажи! Сами подумайте, зачем ему местные экскурсоводы, когда у него на такой случай наверняка есть специально обученные люди.

Будучи уроженцем города, можно сказать, краеведом в душе, президент пропускал общеизвестные факты мимо ушей, больше следя за тем, слушают ли специально обученного главы стран СНГ. В конечном счете ему и это надоело или просто захотелось опять пойти в народ. Его взгляд приманила пестрая группа «ряженных», которые стояли неподалеку.

— Прямо глаза разбегаются, — сказал он с улыбкой. — Петр Великий, Екатерина Великая... Даже как-то боязно с великими рядом.

Тут же слева и справа возникли две телекамеры, одна на штативе, другая на плече у оператора, и обыкновенная сценка стала превращаться в сюжет для выпуска новостей.

— Мы всего лишь артисты, — театральным голосом произнес Александр Сергеевич. — И для нас, поверьте, большая честь разговаривать с президентом страны.

— Это еще стоит поспорить, для кого честь, — президент, похоже, был в хорошем настроении. — Идешь себе по улице, и вдруг — Пушкин, Гоголь, Маяковский... А кто у вас за старшего? Наверно, Владимир Ильич Ленин?

Поскольку упомянули его имя, Ильич чуть выступил вперед и, по-видимому, решил устроить небольшой спектакль, заговорив быстрым картавым голосом:

— У нас старших нет. Придерживаемся принципов демократического централизма. Все решается на коллегиальной основе, учитывая мнение меньшинства, но строго следуя воле большинства членов партии.

— Какой же это партии?

— Большевистской, — выкрикнул вошедший в раж Ленин.

Президент искренне рассмеялся. Было впечатление, что номер Ильича пришелся ему по душе.

— Вы и Геннадия Андреевичу Зюганову фору дадите, — президент получал видимое удовольствие от беседы. — Только наших великих писателей и государей в члены партии не записывайте. У них совсем другая роль в российской истории.

В этот момент к президенту из глубины сада стал приближаться Иван Сергеевич Тургенев, или вздорный старик, решивший, что он Иван Сергеевич Тургенев. Кто пустил? Как? Почему?.. Вероятно, охрана посчитала, что, раз президент так долго общается со всякими Пушкиными и Лениными, то он будет недоволен, если задержат еще одного «ряженого». А может, безумие имеет свойство преодолевать любые преграды?..

Показав, что навыки разведчика никуда не исчезают, президент резко повернулся к подходившему и, мгновенно оценив, кто перед ним, жестом остановил охранника, который все-таки попытался помешать старику.

— Нашего полку прибыло. Как прикажете к вам обращаться? — на лице президента появилось то приятно-хитрое выражение, которое так нравилось его избирателям.

Иван Сергеевич отрекомендовался подобающим случаю образом, даже, даром что не офицер, ботинками прищелкнул. И так же прищелкнул ботфортами Петр Первый, перед тем как произнести:

— Извините, он у нас малость того, не вполне нормальный.

Президент сказал, как отрезал:

— Такой вердикт могут выносить только компетентные органы, — после чего продолжил как ни в чем не бывало: — Поскольку у вас организация полувойсковая, даже форма имеется, то порядок обязательно нужен. Кто здесь старший по возрасту? — его взгляд задержался на Тургеневе. — Вот пусть Иван Сергеевич и принимает командование.

Напоследок, перебросившись несколькими фразами с кем-то из среднеазиатских президентов, он вновь повернулся к «великим»:

— Я в городе часто бываю, так что как-нибудь загляну сюда, проверю, как мое распоряжение выполняется.

Как всегда, после таких слов было неясно, то ли в шутку сказал, то ли всерьез, то ли забудет сразу, то ли на самом деле снова явится в Екатерининский сад. И тогда спросит, спросит по всей строгости...

Стали искать Тургенева, благо после ухода высоких гостей народа в саду заметно поубавилось. Нашли слегка надорванную сторублевку, полупустую пачку сигарет и, что поразило всех, фотографию президента в морской форме. Великого русского писателя нигде не было.

Глава VI. РНБ

По телевизору выступал президент. Говорил о том, какой должна быть комфортная среда обитания в наших городах и как этого добиться. В частности, затронул тему развития туристической привлекательности и улучшения инфраструктуры. Привел в пример Петербург.

Александр Сергеевич, который на уединенной скамейке, что ближе к Александринскому театру, смотрел выступление на своем новехоньком айфоне, все ждал, когда покажут сюжет о посещении президентом Екатерининского сада. Не дождался. Тогда он вернулся к тому, о чем думал до телевизионных новостей. Мысли его были о Наталье Николаевне. Сделать ли ей предложение или пока не спешить? А если все-таки сделать, то когда лучше и в какой форме? Можно без всяких ухищрений, можно разыграть спектакль.

такль, можно с небрежностью, можно с иронией, можно с надрывом чувств... От этих «можно» голова пошла кругом, и возникло желание снова уткнуться в экран айфона.

В это время Петр Великий делал вокруг памятника уже двадцать первый круг, которые подсчитывала шедшая с ним под руку Екатерина Первая. Она расспрашивала, как так вышло, что, по существу, молодой человек успел трижды жениться и трижды развестись. После его уклончивых ответов она начинала сызнова с той лишь разницей, что теперь делала упор на его бывших женах, которые, вероятно, имели все без исключения скверный характер, раз не смогли ужиться с таким видным, полным сил, добрым и заботливым мужчиной. Тут ему оставалось только согласиться и, чтобы направить в другую сторону разговор, грозивший обернуться четвертым скоропалительным браком, попросить императрицу вести учет не только кругам, но и времени, которое они на каждый круг затрачивают.

Ленин, уже позабывший о своих угрозах в адрес Льва Николаевича, общался с ним весьма дружелюбно. Он убеждал продавца, что ассортимент товаров необходимо расширять и что как раз на этот случай у него имеется знакомый, который готов в большом количестве поставлять футболки с надписью В. В. П. и изображением президента. Возражения Льва Николаевича сводились к следующему: все, кто хотел, подобные футболки уже приобрел, а петербургской классикой, независимо от того, из какой страны приехали туристы, всегда была, есть и будет продукция с символикой города. Сошлись они на том, что небольшую партию Лев Николаевич все-таки возьмет и посмотрит, насколько успешно пойдет дело.

На другом конце сада Маяковский никак не мог отделаться от Екатерины Великой, которая уже битый час пыталась ему внушить, какой вред здоровью приносит курение. В ход шли доводы самой разной степени убедительности: лишние траты, одышка, рак легких, а главное, личный опыт Екатерины. Оказывается, она бросила курить, как только стала принимать некие чудодейственные таблетки, которые ей посоветовала подруга и которые, если Маяковский согласится, избавят его от пагубной привычки. Долгое время он старался доказать ей очевидное: папиросы — неотъемлемая часть его образа, пока, доведенный до бешенства ее очередной фразой, не пустил струю табачного дыма ей в лицо. Выругавшись сквозь зубы, Екатерина Великая удалилась. А Маяковский направился в противоположную сторону, но, не дойдя до ближайшего фонаря, застыл от изумления: прямо на него, смешно выбрасывая ноги и вертя руками, мчался Гоголь.

Спустя несколько минут все обитатели Екатерининского сада уже знали, что Николай Васильевич только что на Невском видел Тургенева. Тот стоял перед садовыми воротами, где тротуар уже многие годы был захвачен уличными художниками, и любовался карандашными портретами и зарисовками города.

После явления президента народу Иван Сергеевич пропал без вести. Уже думали, след его простыл, уже выдохнули облегченно, уже начали забывать...

Он прошептал от садовых ворот до ограды памятника и замер с вытянутыми по швам руками и поднятой головой, будто хотел отдать дань памяти просвещеннейшей из императриц и ее сподвижникам в государственных делах.

— Переговорщиков он ждет, — заявил Петр Первый.

Никто спорить не стал, лишь Наталья Николаевна заметила:

— Пришел капитуляцию принимать.

Наконец, посовещавшись, подошли к Ивану Сергеевичу. Только на этот раз Ильича с Маяковским к писателю не допустили, чтобы не напоминать об оскорбительном для него разговоре, а отправили девушек — Гончарову и двух Екатерин. Те, выполняя возложенную на них миссию, слушали писателя, раскрыв рты, льстили без всякой меры, говорили комплименты и в конце концов очаровали его до такой степени, что он расцеловал всех троих.

После этого общение с мужской частью «ряженных» было делом формальным. Однако у каждого в голове крепко засело, что теперь писатель был в их кругу старшим, как о том заявил президент, не оставляя возможности для иного толкования.

Иван Сергеевич Тургенев расположился по центру скамейки, тогда как все остальные стояли полукругом и заодно отгоняли туристов, желавших занять соседние места. Писателю предложили сигарету, затем поднесли зажигалку, и вскоре он почувствовал себя настолько свободно, что, окутав пространство пеленой дыма, предложил:

— Господа, а не отправиться ли нам всем ко мне?

— А это далеко?

— Что вы, рядом!

Перейдя улицу, они оказались перед Российской национальной библиотекой, чье здание находилось в двух шагах от сада. Иван Сергеевич остановился возле входной двери и значительным голосом произнес:

— Поразительная симфония человеческой мудрости, исполненная гениальными безумцами в соавторстве с Иоганном Гутенбергом.

— Так нам сюда?

— Именно, — Тургенев аж зажмурился от удовольствия.

— В библиотеку... Да она уже и закрыта.

— Это самое интересное время, — он нажал на кнопку связи, и изнутри откликнулось мелким колокольчиком. Появившийся охранник с пшеничного цвета усами выслушал Тургенева, после чего оба исчезли за дверью. Однако не прошло и минуты, как Иван Сергеевич выглянул из окна прямо над входом:

— Господа, прошу!

Когда они проходили мимо стойки, за которой сидел охранник, тот с удивлением спросил:

— Что, все?

— Все, — Тургенев опять чему-то обрадовался.

По широкой мраморной лестнице они поднялись на последний этаж, где повернули направо и прошли почти до конца длинного коридора. Иван Сергеевич отворил своим ключом деревянную под потолок дверь и жестом пригласил заходить.

Обстановку огромной комнаты составляли массивные книжные шкафы, расставленные вдоль стен, широчайший дубовый стол перед окном и кожаный диванчик, который был втиснут между шкафами.

— Иногда приходится ночевать, — пояснил Тургенев.

— Мин герц, не попрут ли нас отсюда?.. Понимаю, ты здесь охранником, и как бы все схвачено, но вдруг начальство зайвится...

Иван Сергеевич рассмеялся мелким счастливым смехом:

— Я и есть начальство. Руководжу отделом в РНБ, а это, — он раскинул руки в стороны, — мой кабинет.

— Ни хрена себе, — не сдержался Владимир Ильич, а Наталья Николаевна медленно произнесла:

— Не понимаю, зачем при такой должности устраивать спектакли с переодеванием.

— А вам зачем? — глядя на нее в упор, поинтересовался Маяковский.

— У меня, как и у вас, другого выхода нет. Что мы еще умеем, кроме как расхаживать в чужих платьях да выманивать деньги у туристов?

— Для меня вопрос так не стоит, — подал голос незаметный до сих пор Николай Васильевич.

— Тогда как же?

— А так, что иначе, чем Гоголем, себя не представляю.

— Гоголь! — расхохотался Владимир Ильич. — Родился в 1809 году, живешь более двухсот лет, а выглядишь, будто худшее, что может с тобой случиться, это бессмертие.

— Да, он бессмертен, — выкрикнул Николай Васильевич и вдруг сделался неудержим в словах: — Бессмертен и я. Настолько, насколько могу им быть. Я безмерно ценю те редкие часы, когда надеваю парик, цилиндр, когда иду сюда, когда мы с ним становимся единым целым. Без этого моя жизнь пуста, а я сам ничтожен.

— Мин херц, ну зачем ты так?

— Могли бы в таком случае за работу денег не брать, — вставила язвительное слово Екатерина Великая.

— Мог бы... Да только, если бессмертен, все равно на что-то нужно жить. Скажите, как бы писали свои книги Федор Михайлович или Александр Сергеевич, не будь у них в кармане хотя бы...

Екатерина Первая не дала закончить, заговорив с нарочитой лаской в голосе:

— А вот мы у Александра Сергеевича сейчас и узнаем, что бы он ответил собрату по перу.

— С вашего позволения я бы процитировал Бориса Пастернака, — Пушкин, отличный декламатор, каковым его знали на всех сценах Фрунзенского и Невского районов, взял в левую руку трость и, словно дирижерской палочкой, начал отмеривать ею ритм стиха:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

— Bravo! — истошно, от чего многие вздрогнули, закричала Екатерина Первая, и ей самой сделалось неловко, так что она отступила за широкую спину императора.

— Вообще, Пастернак тут ни при чем, речь о пропитании художника, — проворчал Гоголь.

— Оставьте споры, — патетически воскликнул Иван Сергеевич Тургенев. И хотя на нем по-прежнему были одежды давно минувшей эпохи, весь он преобразился и казался едва ли не восторженным юношей. Подвижный, с отставленной в сторону рукой, помахивая ею при каждом шаге, он пересек комнату и остановился недалеко от окна.

— Посмотрите, какой вид!

Все обступили его, глядя на простиравшуюся внизу площадь Островского с ее деревьями, колыханием сотен людей, Александринским театром и памятником императрице.

— Изо дня в день я наблюдал отсюда. Нет, не за теми, кто спешит на спектакль, не за гуляющими по Невскому, не за покупателями сувениров. Мне были интересны только вы. Я думал, что артисты, выходя на сцену в исторической пьесе, все-таки играют роль, слово в слово повторяя текст драматурга. И это мне не нравилось. Зато очень хотелось быть одним из вас, когда речь произвольна, а публика меняется каждую минуту. Сидя за своими книгами, старея вместе с ними, я уже позабыл, что значит ощущение свободного полета.

— Где вы взяли такой хороший костюм? — деловито поинтересовалась Наталья Николаевна.

— И знания о писателе? — добавила Екатерина Великая.

— Мой давний приятель работает с реквизитом в театре. А знания...

Он устремился от окна к одному из шкафов, распахнул разом обе верхние створки, затем обе нижние. Открывшиеся ряды книг, с чьих корешков благородно и тускло поблескивало золото названий, были как будто откалиброваны по толщине и формату. Он указал на правый верхний угол:

— Прижизненное издание Ивана Сергеевича Тургенева.

— Тут и Пушкин есть, — с удовлетворением отметил Александр Сергеевич.

— И Гоголь, — не смог удержаться Николай Васильевич.

— Что-то не видно Маяковского, — не без легкой обиды произнес поэт.

Иван Сергеевич бросил на него короткий взгляд и со словами «Сейчас, минуточку» направился к соседнему шкафу. Там он снял с полки тонкую брошюру и с гордостью показал Маяковскому.

— Казалось бы, книжица копеечная. Однако же это поэма «Облако в штанах», 1916 год, издательство «Парус», тираж всего две тысячи экземпляров.

Пока Маяковский, в почтении склонив голову, аккуратно листал страницы, хозяин кабинета открыл еще один шкаф и радостно сообщил:

— Возьму на себя смелость утверждать, что здесь почти все изданное о Тургеневе. Есть и мой скромный труд, посвященный «тургеньевским девушкам».

— По-моему, тема избитая, — Наталья Николаевна, пробежавшись глазами по книгам, нашла искомую с названием «Женские типы в произведениях И. С. Тургенева».

— Вы совершенно правы. Но я рассматриваю данную проблематику под иным углом зрения, чем рассматривалось прежде. То есть не девушка сама по себе, а то, как ее образ отражается в мужчинах. Причем это не обязательно героини его произведений, это и наши современники. Для меня важно, почему мы до сих пор без лишних слов понимаем, о ком речь, когда слышим «тургеньевская девушка», и что в биографии писателя позволило ему угадать, чем случайное в женщине отличается от типического.

— Гениальность, — резко сказал Маяковский, оторвавшись от книги.

— Что гениальность?

— Гениальность позволила, а не биография.

— Дискуссионный вопрос...

В литературную полемику вступила Екатерина Великая:

— Как по мне, так никаких «тургеньевских девушек» сегодня нет. Были, да сплыли. Зачем современному мужчине умная, гордая, готовая там ко всяким жертвам?

— Какая же, по-твоему, ему нужна? — спросил Маяковский.

— Красивая.

— И только?

— Ну, знающая себе цену.

— Как понимаю, в прямом смысле знающая, то есть за сколько продаваться.

Екатерина фыркнула, на что Маяковский рассмеялся и продолжил:

— От такой, какую ты сейчас нарисовала, мне хочется держаться подальше. И Пушкину хочется, и Ленину, и императору тоже. А взгляните на нашего Николая Васильевича — разве у него другое желание?

Екатерина и Тургенев невольно посмотрели на Гоголя. Тот, сняв цилиндр и положив его на подоконник, рассматривал гравюры и фотографии, висевшие в простенке между окном и книжным шкафом. Он то задирает голову вверх, то нагибался, то отходил чуть назад, пока не замер, обеими руками обхватив подбородок.

На вопрос, заданный Екатериной с усмешкой, а Иваном Сергеевичем с некоторой озабоченностью, Маяковский ответил мгновенно, точно держал фразу наготове:

— Ищет светлый образ.

— Не говори загадками.

— Какие уж тут загадки! Просто продолжение разговора о «тургеньевских девушках». Ему нужна одна из них, а какая именно, он сам толком не знает. Вот пока и занимается поисками.

— Может, ему чем-нибудь помочь?

— Дорогой Иван Сергеевич, в таких делах любая помощь только во вред. Тем более...

Он не закончил, потому что в этот момент они увидели, как Гоголь, шагнув вперед, начал с шумом что-то снимать со стены. У него не получалось, что только добавляло ему упорства, грозившего превратиться в погром в здании РНБ.

— Помилуйте, что вы делаете! — вскричал Тургенев.

— Николай Васильевич, остановись. Что за бес в тебя вселился? — Маяковский тронул его за плечо, ожидая какой угодно реакции, но только не того радостного лица, с каким Гоголь повернулся к нему, держа в руках наконец-то снятую со стены картину.

— Нашел, — просиял он, подняв находку над головой. Это была не картина, а помещенная в раму под стекло черно-белая фотография, желтоватый оттенок которой определенно указывал на ее старинное происхождение. Изображенная на снимке девушка лет двадцати пяти смотрела перед собой простым и ясным взором; волосы были аккуратно убраны на затылок, открывая высокий лоб; слегка выдавался вперед подбородок с ямочкой посередине, что говорило о характере прямом и самостоятельном.

— Ну, что вы нашли? — Иван Сергеевич выглядел недовольным.

— Ее, — Гоголь не выпускал из рук фотоснимок.

— Это Надежда Ларичева, моя прабабка по отцовской линии. Здесь она выпускница Бестужевских курсов.

— Иван Сергеевич, дайте мне ее на время.

— Зачем? — устало спросил Тургенев.

— Есть человек, который точно скажет, она это или нет.

— Она умерла в двадцатые годы на Урале от тифа.

Маяковский негромко обратился к Ивану Сергеевичу:

— Отдайте ему, иначе он от вас не отстанет.

— Понимаете, это семейная реликвия, из поколения в поколение...

— Он честнейший человек из всех, кого я знаю.

Их диалог прервал Николай Васильевич, повернувшись к Тургеневу и прошептал ему на ухо разочарованным голосом:

— Вы совсем не то, что я подумал о вас поначалу.

— Что вы имеете в виду? — от неожиданности голова писателя непроизвольно дернулась кверху.

— Нет, не то, не то...

Несмотря на этот странный разговор, Гоголь все-таки заполучил бестужевку и сразу начал суетиться у окна, высматривая за листвой, открыта ли еще сувенирная лавка. Махнув рукой, дескать, проще убедиться на месте, он торопливо протер ветошью рамку с фотографией и поспешил к выходу.

Глава VII. СПб.

В одной на всех примерке, она же была и костюмерной, вытянувшейся от двери в узенький коридор до грязного окна во двор-колодец, всегда было мрачно и сыро. Солнце сюда не добиралось, а лампы дневного света горели тускло, вдобавок, подобно провинциальным сплетницам, с шипением перемигивались, так что в любое время суток казалось, будто глубокий вечер.

Гоголь приходил раньше всех, чтобы не толкаться у шкафов с реквизитом, возле засиженных мухами зеркал и не слышать, как обмениваются ничтожными новостями герои городских площадей. Он старательно облачался в рабочий костюм под всегдашние жалобы входной двери на гулявший здесь сквозной ветер. Хуже всего было, что гардероб стоял в самом темном углу, и зачастую приходилось прыгать в одной штанине, не попадая в другую, или искать рукав рубашки, который так и норовил спрятаться куда-нибудь за спину.

Потом он гримировался, выбирая место, над которым не мигала лампа, и все-таки временами прикрывал глаза от слепящих отблесков, слетавшихся на зеркало со всей

комнаты. Если костюм, который он иногда брал домой, чтобы почистить или подшить что-нибудь, ему, в общем-то, нравился, то выражение собственного лица его никак не устраивало. Хотелось, чтобы было, как у Гоголя, особенно глаза, и он подолгу то прищуривался, то поднимал брови, то старался наполнить себя изнутри гоголевской печалью, пока не появлялся в гримерке кто-нибудь из коллег. Тогда он быстро здоровался, хватал со стола цилиндр с тростью и выбегал на улицу...

Николай Васильевич шел по Невскому и думал о том, что сегодня получилось похоже, и было во взгляде лукавое и грустное, ребяческое и мудрое, исполненное ума и вместе с тем наивное до глупости...

Вчера он не застал Льва Николаевича и теперь спешил к Екатерининскому саду, подгоняя себя каким-то детским: «Раз-два, раз-два...»

— Мил человек, слышал новость?.. У памятника Пушкину на площади Искусств освободилось «гоголевское» местечко. К твоей Морской гораздо ближе. Можешь работать и заодно кота выгуливать.

Не обращая внимания на приколы, как их называл Лев Николаевич, он молча пожал ему руку, положил портрет на прилавок и впился глазами в хитрое лицо торговца. Тот рассматривал фотографию под разными углами, словно оценивал, годится ли товар, после чего заявил, что девушка не та, что совсем не похожа. Возможно, его сбила с толку желтизна снимка или покроя платья, каких давно не носят; возможно, именно поэтому он рассмеялся, а потом сказал, что зря Гоголь ищет эту девушку, что ее не существует...

Не проронив ни слова, Николай Васильевич вернул портрет себе и двинулся в глубины сада, глядя, как носки его штиблет покрываются пылью. Он едва не налетел на Маяковского, когда поэт, который тоже любил приходить пораньше, вырос на его пути.

— Николай Васильевич, хотел бы с тобой поговорить. Понимаешь, твои поиски...

На Маяковского поднялись глаза, удивительные, гоголевские, и он невольно отошел в сторону, пропуская писателя. И то ли ему послышалось, то ли и вправду Гоголь произнес: «Разве нас представляли друг другу...»

Вдоль ограды сада торопливыми шагами навстречу налетавшему порывами ветру Гоголь приближался к парадной двери библиотеки. Оставалось только пересечь улицу, когда он поднял голову и сначала увидел белоколонный портик вдали, строгую линию фасадов со сказочной башенкой, будто над царским теремом, а затем небо вдруг открылось до самой своей глубины и окрасило город ровным бледно-желтым тихим светом. И хотя вскоре тучи вновь сомкнулись и по его щекам хлестнул ветер, на всем вокруг по-прежнему продолжала лежать тонким слоем позолота. На душе сделалось так хорошо и покойно, как никогда не бывало. И последнее, что мелькнуло в голове перед тем, как тот же свет проник в него самого, не оставив места никаким другим краскам, было желание (этакая закладка на будущее, которой никому не суждено воспользоваться) поделиться с КОТом тем, какими прекрасными были эти минуты.

Гоголя едва не ударило дверью, когда та распахнулась, выпуская из библиотеки военного, судя по фасону мундира, в чине никак не меньше генеральского. В знак приветствия он слегка коснулся пальцами своей двууголки и пошел в сторону Александринского театра. Надо же, подумал Гоголь с иронической усмешкой, так меня скоро пол-Петербурга знать будет. Впрочем, лицо военного откуда-то знакомо... Возможно, видел его в Павловске, когда был репетитором в княжеском доме...

На входе перед ним выгнулся в струнку солдат-инвалид, и опять пронеслось в голове: «И этого помню, его усы пшеничного цвета...» Он сделал несколько шагов, постоял в задумчивости и вернулся к инвалиду. Тот, сев на табурет, с увлечением рассматривал иллюстрированный журнал.

— Ты что, братец, грамоту знаешь?
— Как не знать. Всякий, кто при книгах, должен уметь читать.
— Вот возьми, — Гоголь протянул портрет, — да передай прямо в руки Ивану Сергеевичу Тургеневу.

— А от кого, коли спросит?
— Скажи, от Николая Васильевича Гоголя, сочинителя. Уж он знает.
— Не извольте беспокоиться, — солдат, даром что отставной, вновь встал по стойке «смирно», а Гоголь, поднявшись по ступенькам, очутился в небольшом помещении с ритмичными зеркалами в простенках между глухими арками.

Он осмотрелся на новом месте. Что-то здесь казалось ему странным. Подмешивался к безукоризненной позолоте то один цвет, то другой, то нагло лезли сразу несколько, от чего дивная картина мира превращалась в аляповатое нагромождение кубов, конусов, спиралей.

Вдруг Гоголь увидел крупного серой масти кота, который с сонным видом прошествовал вдали и перед тем, как юркнуть в приоткрытую дверь, внимательно на него посмотрел и встряхнул головою. Было в этом что-то хорошо знакомое, и непроизвольно Николай Васильевич повторил кошачью повадку. К его удивлению, скопище предметов мгновенно исчезло, а взамен бессмыслицы вернулись гармония и покой выцветшего от времени старого снимка.

— Кот, — произнес он, точно желая понять нечто большее, чем значение слова.
— Без них в библиотеке никак. Мыши, знаете ли, такие чтецы, каких еще поискать.

Перед ним стояла и мило улыбалась черноокая и румяная девушка, какие часто встречаются в малороссийских селах. Так же как у них, речь у нее лилась бойко, только говор был петербургский, без привычной для него южной певучести.

— Что, нынче и барышень на службу берут? — поинтересовался Николай Васильевич.
— Только тех, которые образование имеют.
— А какое, позвольте узнать, у вас образование?
— Патриотический институт.
— Вот как? А я там преподавал, но вас не припомню... Кто же ваши родители?

Получив читательский билет, который ему вручила «патриотка» через узкое оконце смежной комнаты, куда она упорхнула, предварительно сообщив, что отец у нее мелкий помещик с Полтавщины, в прошлом офицер, а мать из столичных мещан, — Николай Васильевич свернул по коридору налево, открыл двери и оказался перед лестницей, устланной красным ковром. По ступеням спускались студенты, четверо человек, и за ними еще двое. Прошел франт в заузюженном сверх всякой меры фраке, пестрой жилетке с двумя рядами пуговиц и галстук, повязанном по моде аж под самое горло. Между лестничными маршами Гоголь остановился возле высокого чугунного фонаря, который, подобно цветку, расходился в разные стороны лепестками, и глянул в супротивное зеркало, хорошо ли сидит сюртук и не растрепалась ли, по обыкновению, прическа. Наверху лестницы он оглянулся и заметил, что двое студентов смотрят ему вслед, о чем-то спорят и оживленно жестикулируют.

Он направился к открытой двери, сбоку от которой была крупная надпись «Читальная зала». Здесь было светло от высоких окон, выходящих на обе стороны; из-за жары створки многих были открыты, и виднелись верхушки деревьев, квадрига над фронтоном театра, мансарды и крыши домов на Невском. Ряды деревянных столов со скамьями, казалось, служили моделями для рисовальщиков, изучающих перспективу; то же и гипсовые головы мыслителей вдоль стен, и кадки с диковинными цветами на подоконниках, и растительный орнамент лепнины по периметру залы...

От созерцания предметов и бессмысленного счета, сколько рядов, кадок, окон, его отвлек голос, явно обращенный к нему:

— Извольте что-нибудь взять? У нас книги на любой вкус.

Мелькнула мысль, что эдак разговаривают в лавке, и еще возникло непонятное воспоминание о каком-то продавце, браслетах, значках и прочей мелочи. Встряхнув головой, чтобы отогнать морок, он повернулся на голос, обнаружив за высоким бюро женщину одних с ним лет с очень худым вытянутым лицом, грустным взглядом и смешно оттопыренными ушами. Была она похожа на лошадь, которой вечно недосыпают корму и погружают ее в печаль мыслей.

— Странное дело, кругом одни дамы... Отчего бы это? — задумчиво произнес Гоголь.

Она посмотрела на него, но тотчас опустила глаза и зарделась, что, подумал он, бывает редко у таких художочных особ.

— Вы, беру на себя смелость предположить, тоже «патриотка»?

— После ваших «Вечеров...», — начала она, однако задохнулась от подступившего к горлу восторга и долго теребила бахрому наброшенной на плечи шали, прежде чем выпалила разом: — Всякий, кто вас читал, есть безусловный патриот русской словесности!

Ему было приятно, что в нем узнают литератора, что барышни краснеют, а юноши оглядываются, что Петербург, каким бы мрачным он ни казался, бывает все-таки к нему приветлив. Эх, никто ведь еще не знает, что он пишет теперь! То-то удивятся, когда посмотрят на себя!.. Однако же коли пришел в читальную залу, следует что-то выбрать...

Он уселся возле окна, чего обыкновенно не делал, поскольку в этом промозглом климате простывал очень быстро. Но сегодня был столь редкий в Петербурге погожий день, что хотелось отменить все строгие правила. И хотя перед ним лежал томик с любимым еще с гимназической поры «Евгением Онегиным», Гоголь все больше смотрел в окно, откуда пахло совсем не вишней и не яблонями, как бывало в юности в Васильевке, но все-таки куда лучше, чем во дворах Морской слободы, где он квартировал во флигеле дома Лепена.

Ветерок поигрывал челкой, то бросая ее в глаза, то причесывая на пробор, и было странное ощущение, будто уже сквозило так же, и будто скрипела дверь, и он облачался в потемках узкой и сырой комнаты...

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны...

Поначалу казалось, что и шрифт не тот, и буквы какие-то неладные, что иных и во-все нет, словно их изъяли по чьему-то произволу. Затем, однако, то ли привык, то ли пушкинский стих развеял очередной морок, и теперь уже ничто не замутняло единственный чистый свет, лившийся отовсюду.

Как обычно, он увлекся безупречной онегинской строфой, а когда оторвался от книги, чтобы отогнать желавшую разделить с ним чтение муху, то увидел, как от бюро с журналом в руках отходит дама редкой красоты. Статная, с уложенной на макушке прической, с тончайшей талией и рельефным бюстом, в темно-вишневом платье до полу, она плыла между рядами. И каждый провожал ее взглядом: чиновник в кителе железнодорожного ведомства, двое гвардейских офицеров, один из которых даже подкрутил усы, старушка в чепчике екатерининской эпохи, интеллигент, надевший пенсне, чтобы лучше рассмотреть, истощенного вида студент, купец, точно с провинциальной ярмарки, вывозного сорта англичанин, еще один гвардеец, еще студент, девушка с лицом ангела, грешницы, рабы и хозяйки, странницы на этом коротком и в то же время вечном пути...

Что же теперь делать? Как распорядиться редким случаем, благосклонностью судьбы, даром свыше?.. Забыть об условностях, подойти к ней, сидящей с книгой на коленях, будто сей экземпляр достоин лучшего, нежели грубый стол... Быть может, это его «Вечера...», тогда и повод есть... Но так нельзя, дурной тон, пошлость... Встать перед ней на колени, открыть свое чувство и смиренно ждать ее решения... Нет, безрассудный порыв может ее скомпрометировать. Да и что он такое в сравнении с нею? Неказистый малоросс, выскочка, надевший цилиндр и фрак, бытописатель сельской жизни. Самовлюблен и пуглив, порывист и осторожен, добр, но язвительен... И все-таки он ей пара! Именно потому, что оба состоят из разного, порой чуждого друг другу и обоим так сложно найти тех, кто похож на них, и они обречены на бесконечные поиски, если только он прямо сейчас не направится к ней и не отдаст как опознавательный знак потерянный браслет. Да чей бы он ни был, Господи, он принадлежит только ей! Это так же верно, как то, что он Гоголь — Николай Васильевич Гоголь!..

Он уже готов был идти, уже все в нем билось и трепетало в предчувствии ни с чем не сравнимого счастья, когда он сунул руку в карман сюртука, куда обыкновенно прятал... Браслета не было. Его не оказалось и в других карманах, хотя Гоголь крутился ужом, склоняясь то влево, то вправо, сползая вниз по скамье, чтобы ощупать самые укромные уголки вечно рвущейся подкладки.

Наконец, чего никак нельзя было предположить, браслет обнаружился в нагрудном кармане жилета. Он выдохнул с облегчением, зачем-то взглянул на брегет и тут услышал звук отодвигаемой скамьи. Было два часа пополудни, как мельком отметил Гоголь, когда его взгляд ненароком остановился на человеке, севшем неподалеку через проход. На его кителе был шеврон со сложенными крест-накрест топором и якорем, какие носят инженеры путей сообщения, а на столе перед ним лежала огромная книга с графиками и схемами. И вот перевернув разом несколько страниц, он задержался на той, где во всю ширину раскинулся какой-то чертеж.

Что-то холодное и враждебное поднялось в Гоголе и заставило его встать, подойдя к инженеру. Некоторое время он рассматривал рисунок с множеством непонятных колес и поршней, пока не обратил внимания на надпись внизу страницы: «Паровая машина Джеймса Уатта». Его лицо искривилось, как будто от боли. В следующий миг он уже вырывал книгу из рук инженера, и поскольку тот упирался, Гоголь пустил в ход трость. Бил и приговаривал: «Вот с чего началось, вот откуда зараза... Получай! Получай!»

С шумом и криками его оттащили в сторону. Поначалу он пытался оглядываться, чтобы еще раз увидеть ту девушку с неземным лицом, чтобы она поняла, что все это ради нее, ради них, чтобы больше никто и никогда не составлял таблиц и не чертил схем, чтобы до всех наконец дошло, что есть вещи важнее комфорта...

Когда у него забрали трость, оторвали пуговицу на жилете, стащили с головы парик, когда, подхватив под мышки, поволокли к выходу, он продолжал проклинать ненавистного шотландского изобретателя. И тогда кто-то, похоже инженер, прокричал ему прямо в лицо: «Ты что, козел, против прогресса?»